

А357
V 51

АНТОЛОГИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИРИКИ

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

435 $\frac{7}{51}$

n249

R

435 $\frac{4}{51}$
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНТОЛОГИЯ
КИТАЙСКОЙ ЛИРИКИ

VII—IX ВВ. ПО Р. ХР.

ПЕРЕВОД В СТИХАХ
Ю. К. ЩУЦКОГО, РЕ-
ДАКЦИЯ, ВВОДНЫЕ ОБОБ-
ЩЕНИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
В. М. АЛЕКСЕЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—МСМХХIII—ПЕТЕРБУРГ

Настоящее издание отпеча-
тано в типографии Первой
Петроград. Трудовой Артели
Печатников (Моховая, 40),
в количестве 4250 экзempl.
Главлит № 4642. Гиз. № 3642

ЛИРИКИ ЭПОХИ ТАН

618—905 по Р. Хр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Не всякому русскому читателю, даже из тех, что судят о Китае по более солидным источникам, нежели рассказы героев и повествователей манчжурской эпопеи, «Саду пыток» и т. д.,—не всякому из них известно, до каких размеров доходит китайская литература, и в частности поэзия. Достаточно для нашей цели указать пока, что императорское издание поэтов эпохи, к которой относятся печатаемые в этой книге стихотворения ¹⁾, насчитывает за трехсотлетний период (618—905) две тысячи двести поэтов с 48.900 стихотворений. И это только для одной эпохи Тан, хотя и до Тан, и особенно после нее, число поэтов и количество их произведений было прямо огромным ²⁾.

¹⁾ Юй дин цюань тан ши—«Полностью Танские стихотворения», изданные в 1703 году. В этой коллекции-библиотеке всего 900 глав. Она была составлена коллегиею одиннадцати академиков литературы, особо известных своею эрудицией и давших критический и полный свод материала, переданного императором Кан Си, который, как известно, отличался особым усердием и тщанием к литературному и научному процветанию Китая.

²⁾ Достаточно указать, например, на «Добавления к Сунским сборникам стихов и фактов, их касающихся» (Сун ши цзини буи), изданные в 1893 г. знаменитым библиофилом Лу Синьюанем. В этих «добавлениях» к предыдущим сборникам «добавлено»... 3774 поэта и соответствующее число (перо-гиф, изображающий тысячи, не вырезан) произведений.

Наш выбор эпохи для антологии по традиции ¹⁾ падает именно на эпоху Тан, о которой вышеупомянутый меценат, и сам литератор, Кан Си, в своем предисловии к сборнику, только что упомянутому, говорит так: «С наступлением эпохи Тан, стихи стали совершенны, закончены во всех своих видах и стилях; все способы стиха были точно так же отчетливо проявлены. Вот почему всякий, кто судит о стихах, берет танских авторов за мерило своих вещей, подобно тому, как стрелок отсчитывает все от мишени и ремесленник от наугольника и циркуля». Другие критики сравнивают танскую эпоху с деревом в полном цвету и в плодах, корни которого—в архангелской поэзии (Шицзин), ростки в ранней Хань (II в. до Р. Хр.), крепкий ствол в III в. по Р. Хр., ветви с листьями в IV—VII вв. Легче всего, конечно, начать именно с этой эпохи.

Однако, тем труднее выбирать. Составитель одной китайской антологии говорит об этом щекотливом предмете так: «Стихотворений до-танских и танских очень много: целые ряды томов. Искать в них жемчужин, нащупывать в них яшмы—не хватит зрения. Всего не выберешь, а выбирать надо. Придется ограничиться наиболее устойчивыми в смысле ритмов и наиболее ясными в словоупотреблении: именно теми самыми, которые всеми заучиваются ²⁾. Я не смею выбирать одни и отходить от других, руководясь личным вкусом».

Думается, что автор прав и что осторожнее всего поступить именно так. В виду этого, мы с переводчиком

¹⁾ Наиболее полно эта традиция выражена в известном труде d'Hervey Saint-Denis, «Poesies de l'époque des Tang», вышедшем в 1863 году.

²⁾ За это именно антология, о которой здесь речь, подвергается со стороны китайских ученых литераторов высокими нареканиям и упрекам в банальности.

решили подчиниться вкусу китайской антологии ¹⁾, несколько дополнив ее из антологий японских, как сделанных руками тех иностранцев, которые ранее всех других начали изучать Китай и изучили его лучше, чем кто другой.

Однако, придерживаясь выбора китайской антологии, мы, к сожалению, не могли придерживаться ее размеров. Первоначально план «Китайской антологии» был рассчитан на пять больших томов. Появляющаяся ныне книга есть пока только их скромное начало. Условия издания застали нас в разгаре работы, и нам, вместо перевода полной антологии, приходится ограничиться переводом всего на всего ее третьей (из общего числа шестнадцати) главы, с небольшими заимствованиями из других глав и, как уже сказано, из японских сборников. Фактически это свелось к переводу пятисловных четверостиший (*у нь цзюэ цзюй*), нескольких «правильных» стихотворений (*люй*) и одной большой поэмы Бо Цзюй и ²⁾.

Сожаляя, конечно, о невозможности в настоящую минуту осуществить идею нашу полностью, мы думаем, тем не менее, что выбор четверостиший, доминирующих над всеми прочими формами китайской лирики, хоть и преувеличен, но правилен. Представляя собою наиболее трудные формы поэтической продукции, четверостишия («усеченные строфы») наиболее быстро решают поэтическую задачу и наиболее легко—в надлежащем, конечно, переводе—усваиваются читателем.

Редактору этого сборника казалось также, что плохо произносимые и трудно запоминаемые читателем китайские имена авторов, к тому же представленных неполно и недо-

¹⁾ Именно этой (*Гу Тан ши хэцзе*), составленной в 1732 г. Среди огромного числа всяких других учебных книг (она принадлежит к их числу), она наиболее других известна и наиболее объяснена примечаниями.

²⁾ Читатель отметит также некоторое и вполне законное пристрастие переводчика к поэту Ван Вэю.

статочно (как и во всякой антологии), вряд ли могут служить заголовочной канвой, и он решил расположить материал тематически, сопровождая каждую группу сюжетов своим вводным обобщением. Этим путем редактор сборника рассчитывает достичь наибольшего для данного материала читательского впечатления.

II

Перевод танских, а тем более всех других китайских стихотворений, собираемых и на своей родине в антологию, в Европе принял тот же облик. За это переводческое дело принялись, конечно, прежде всего, европейские знатоки китайского языка (Форкэ, Джайлз, Эрвэ де-Сэн-Дни); но, как ни странно, побуждаемые, очевидно, экзотикой, на эти же «переводы» устремились и не знающие китайского языка (в роде Жюлит Готьё). Как и можно было предвидеть, последние оказались большими китайцами, чем сами китайцы, упорно стараясь договорить то, чего китаец не сказал. Достаточно двух примеров из книги Готьё¹⁾:

а. Дословный перевод с китайского стих. Ли Бо²⁾:

тихой ночью думы.

Перед постелью светлой луны сиянье:

Кажется—это на полу иней.

Подняв голову, взираю на горную луну;

Опускаю голову: думаю о родной стороне.

¹⁾ Le livre de jade. Poésies traduites du chinois par Judith Gauthier. Кстати сказать, вся книга (речь идет о новом издании, по обыкновению французских издателей, не помеченном датой) роскошно разукрашена китайскими и некитайскими картинками и орнаментами, о выборе которых не всегда стоит даже спорить, и пестрит иероглифами, написанными то китайцем, то совершенно искусным европейцем.

²⁾ Этот перевод сделан в наибольшей точности. Читатель видит, что каждая строка из пяти китайских слов соответствует русской строке из пяти значущих слов (без «на» и «о»).

б. Перевод Готьё¹⁾:

L'AUBERGE.

*Je me suis couché dans ce lit d'auberge; la lune sur le parquet
jetait une lueur blanche.*

Et j'ai d'abord cru qu'il avait neigé sur le parquet.

*J'ai levé la tête vers la lune claire, et j'ai songé aux pays que
je vais parcourir et aux étrangers qu'il me faudra voir.*

*Puis j'ai baissé la tête vers le parquet, et j'ai songé à
mon pays et aux amis que je ne verrai plus.*

Чтобы не быть обвиненным в злом выборе единственного неудачного перевода, даю второй образец:

а. Дословный перевод стих. Ли Бо:

МЕЛОДИЯ «ЧИСТОЙ ВОДЫ».

В чистой воде светла осенняя луна.

На южном озере рву белые кувшинки.

Лотос цветов... Баловень, хочет заговорить!

Тоской убивает движущего лодку человека.

б. Перевод Готьё:

FLEUR DÉFENDUE.

*Sous la claire lune d'automne l'eau agitée secoue ma barque.
Solitaire, je vogue sur le lac du sud, et je cueille des lotus blancs.
Oh! qu'elle est belle, la blanche fleur du lotus!.. Qu'elle est délicate
et délicate! Un ardent désir me dévore de lui avouer la passion
qu'elle m'inspire...²⁾*

*Hélas!.. Une tristesse mortelle submerge mon coeur... l'embarcation s'en va à la dérive, sur les eaux narquoises, qui s'en font un
jouet.*

¹⁾ Я подчеркиваю французские слова, не имеющие полунника. Впрочем, знатокам китайского языка это виднее.

²⁾ Я не подчеркиваю мест, непонятых вовсе, ограничиваясь попрежнему указанием на сочинительство под китацем.

На примере госпожи Готье следовало остановиться в виду влияния, которое она оказывала и продолжает оказывать на поэтическую продукцию поэтов экзотистов ¹⁾, которые, чувствуя ведущую их руку, дают себе, конечно, еще большую волю: так создается экзотика китайщины (chinoiserie).

На русском языке «переводы» с китайского мелькали в разных периодических изданиях или брошюрах, но эти переводы, сделанные с иностранных переводов, также не всегда оригинальных, а в «переработке», могут быть поставлены в кавычки. Впрочем, у них нет и особых претензий.

Иначе дело обстоит, когда появляется сравнительно большая книга, с предисловием, обучающим читателя структуре китайского стиха, и с аппаратом, симулирующим ученость. На читателя эта книга может произвести впечатление, и об этой антологии ²⁾ надо будет сказать слова два.

Впрочем, достаточно, опять таки, примера.

а. Дословный перевод стих. Мын Хаожаня.

ночью в келье монаха вши. жду друга дина. не приходит.

Вечернее светило идет за западные холмы,

И все пади вдруг уже померкли.

Луна в соснах рождает ночи прохладу.

Ручей в ветре наполяет чистый слух.

Дровосеки уходят—готовы исчезнуть;

Птицы во мгле только что в гнезда уселись.

Этот человек обещал прийти ночевать:

Сирая лютня ждет на тропинке плющей.

¹⁾ Например, на покойного моего друга Н. С. Гумилева («Фарфоровый павильон»).

²⁾ Вячеслав Егорьев и В. Марков. Свирель Китая. Спб. 1914.

б. Перевод Егорьева и Маркова ¹⁾: Мон Као Иен ²⁾.

В ОЖИДАНИИ ДРУГА.

Солнце из-за гор шлет прощальный привет.

Во все долины нисходит вечер, И тени его полны прохладой.

О, посмотри, как месяц, словно серебряный челн, подымается из темных сосен! Я чувствую, как еле веет тонкий ветерок, Звонко поет ручей В тишине ночи Про сон, про покой. Усталый люд Возвращается к своим очагам, Предвкушая сладкий сон... Птицы чутко дремлют в листве... Мир засыпает... Я стою и жду моего друга, который обещал мне прийти... Друг мой! я жажду насладиться с тобой прелестью ночи... Где ты? Я так долго один... Я в тревоге брожу по дорожкам, по обильно намокнувшей траве. Поспешай же, неверный мой друг!

Таким образом, выпуск этой книги знаменует собой отрешение от безграмотных переводов и, вообще, является в своем роде работой пионера ³⁾, ибо, в то время как на западе люди учились переводить один у другого (напр., англичане Лэг, Джайлз-отец, Джайлз-сын, Уэйлз), у нас письменная традиция отсутствует. Однако, с этой работою пионера сопряжены были большие опасности, о которых будет сказано в следующей главе.

III

Есть два пути перевода стихотворений. Один лежит через прозообразную (не прозаическую) версию оригинала на иностранном языке, другой идет от стиха оригинала к стиху перевода.

¹⁾ Я попрежнему подчеркиваю сочинительство, не касаясь в то же время критики «переведенных» мест.

²⁾ Неопознанная французская транскрипция Mong Khao Jên.

³⁾ В книге I «Востока» изд. «Всем. Литер.» (стр. 39—44) помещены извлечения из материалов настоящей книжки.

Путь первый, не смотря на очевидные преимущества,— в смысле, например, точности перевода, свободы в использовании сил языка обслуживающего для культа языка обслуживаемого,—имеет и отрицательные стороны, погашать которые берется способ второй. Вряд ли кто станет отрицать, что в стихе образ, по крайней мере, слит с формой в одно, если попросту от нее не зависит бесповоротно. Таким образом, переводя стих не стихом, мы разрушаем, а не переводим его, и перевод стиха прозообразным способом есть перевод мыслей, а не образов. Только стих, переведенный стихом, есть стихия, переданная стихиею же. На поэзию должна отвечать поэзия, и никакое «стихотворение в прозе» не идет дальше парадокса, ибо это не стихотворение.

Слабый и трагический пункт стихотворного перевода начинается именно здесь, ибо где же взять переводчиков, поэзия которых могла бы быть равновеликой оригиналу? Кроме того, известно, что даже очень большие поэты, при переводе стихами, обращались с оригиналом так, что перевод переходил в оригинал, но уже на обслуживающем языке ¹⁾. Таким образом, эта задача полностью напоминает квадратуру круга. И тем не менее, к выполнению ее, как к идеалу, всегда стремились, стремятся и всегда будут стремиться. То же самое издательство, которое выпускает эту книжку, печатало переводы Колриджа, Саэра («Соути») и других поэтов, сделанных по правилам русского стихосложения. Следовательно, нет никаких оснований для бракования этого пути в приложении к переводу китайцев.

На Западе путь перевода китайских лириков раздваивался именно в этом смысле. Часть (Лэг, Эрвэ де-Сэн-Дни,

¹⁾ Таков, например, перевод стихотворения Байрона «My soul is dark», сделанный Лермонтовым («Из Еврейских Мелодий») и др.

Уэйлэ) переводила прозообразно, другая часть (Форкэ, Штраусс) стихами. Надо отметить, при этом, что покойный профессор Берлинского университета Грубэ в своей «Истории китайской литературы» часто цитирует китайцев в стихотворных немецких переводах, и это несмотря на то, что, как филолог, он должен был видеть всю бесполезность подобных переводов для ученого читателя.

На русском языке первым типом перевода воспользовался пишущий эти строки в своей книге «Китайская поэма о поэте». Однако, этот перевод был окружен такою сложной лесонадстройкой, что напоминал хилое дитя, которое нужно оберегать от сквозняка. В самом деле, ему пришлось дать в помощь и вводные статьи, и перевод-парафраз, и сотни страниц примечаний. Филологически закономерный, подобный перевод утомит читателя, не интересующегося Китаем далее той книги, которую он читает (а таковых, вероятно, большинство).

В виду всего этого и сознавая, что первый путь перевода легче и целесообразнее, чем второй, мы с переводчиком, в сетаки, обратились ко второму, отдав себя на суд как общего читателя, так и знатоков языка, и обрекая себя на беды, происходящие от усердного соблюдения принципов художественного перевода.

В этих «Принципах», изданных «Всемирною Литературой» в 1919 и 1920 годах, покойный Н. С. Гумилев говорил, между прочим, следующее:

«При первом способе переводить стихи, переводчик пользуется случайно пришедшим ему в голову размером и сочетанием рифм, своим собственным словарем, часто чуждым автору, по личному усмотрению то удлиняет, то сокращает подлинник; ясно, что такой перевод можно назвать только любительским; и далее: «В выборе числа строк и строф переводчик обязан слепо следовать за автором».

Вполне возможно, что эти положения, в применении к переводам с одного европейского языка на другой, действительно справедливы. Однако, при переводах с китайского языка на язык европейского типа, — в частности, русский, можно констатировать и возможность полного уклонения от принципов, возведенных покойным поэтом.

И прежде всего, надо заявить, что, если бы Ю. К. Щуцкий переводил по Гумилеву, то получилось бы ужасающее однообразие размеров, которые отвечали бы на два господствующие в китайской книжной поэзии: пятислож(в)ные стихи с цезурой после второго и семислож(в)ные с цезурой после четвертого слога-слова. Этого однообразия китаец, занятый иероглифической картиной более, нежели звуковой, не замечает. Русскому читателю это было бы тяжело.

Делались попытки приблизиться к китайскому размеру автоматическим усилением его до стопы многосложного языка, т. е. так, чтобы китайскому слову-слогу соответствовала стопа с ударением (двухсложная или трехсложная), но однообразие не нарушалось, что подтверждает вышесказанное положение: не в этом суть дела.

С другой стороны, сохранить число строк непременно равным китайскому оригиналу значило бы уложить последний на ложе прокрустово, что вряд ли выгодно делу перевода. Мы поступили здесь так: удвоили число строк, стараясь при помощи русского восьмистишия передать китайское четверостишие во всех его частях, как главных, так и поэтически прилаженных. Переводчиком и наблюдавшим за ним редактором приняты все меры к тому, чтобы поэтизмы, заполняющие стих, по исчерпанию материала, сообщаемого оригиналом, были несущественными, т. е. синонимическими, тавтологическими и т. д., не надстраивающими образов, которые не свойственны поэту-китаю.

Переводчик, сообщая себе свободу действий, придержи-

вался наибольшего разнообразия размеров и стихопостроений. Пусть в данном отношении китайский язык, приобретший у европейцев идущую возле иероглифов транскрипцию, и здесь получит особую поэтическую транскрипцию, которая точно так же жаждет подойти к китаю, минуя сложности и особенностями его иероглифики.

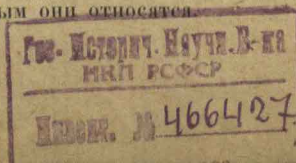
О степени точности переводов и о трудах, на ее достижение потраченных, пусть судят компетентные люди. Борясь с трудностями, которые встанут перед всяким, кто поставит себя на наше место, мы, к своему огорчению, увидели, все же, не разрешенными очень много задач. Мы старались сохранить полностью весь поэтический аппарат китаец: параллелизмы, исторические и литературные намеки, звукоповторения и прочее, так что, если, несмотря на все это, стихотворения кажутся русскими, то это нельзя переводчику поставить в упрек: ведь, русификация произошла в самый момент сложения русского стиха вокруг китайского оригинала.

Кроме того, необходимо принять во внимание еще следующее, кажущееся нам важным, соображение.

Если в китайских, а тем более в японских антологиях каждое стихотворение окружено целым лесом примечаний, парафразов и просто переводов (на яп. яз.), то можно себе представить, каковы должны были бы быть эти леса вокруг дословного перевода!

Итак, переводчику приходилось сразу решать множество задач, в том числе и задачу объяснения подлинника без калечения его. Как увидит читатель, примечаний к тексту «Антологии» дано очень мало ¹⁾, и они не досказывают фраз, а являются, скорее всего, энциклопедическими.

¹⁾ Примечания эти вынесены в конце книги, с указанием страниц, к которым они относятся.

Переводчик, наряду с рифмами, пользовался и ассонансами, в одно и то же время борясь за свою независимость в русском смысле и стараясь не отходить от подлинника. С этой точки зрения читатель да не посетует и на богатые рифмы, от времени до времени встречающиеся в его стихах. Что до приближения звуковым порядком к китайской рифме, то это было бы только фокусом сомнительной заслуги.

Остается вопрос о словаре поэтов оригинала. Пересадить его на русскую почву невозможно. В виде аргумента достаточно сказать, что в редком китайском стихотворении найдутся слова слышимого всем языка, тем более диалектические. Чаще же всего китайское стихотворение в нашем смысле *немо*, непронизимо, ибо ряды его идеограмм превращают и его самого целиком в особую картину-идеограмму. Ясно, что пересадить пропорцию неслышимых слов в язык, где таких слов нет, дело немыслимое, и с этой точки зрения адекватных переводов с китайского никогда не было и не будет.

В. Алексеев

ПРИРОДА И Я

Природа есть нечто обратное человеку, ее извратителю: она—отражение Великого Дао, незримой и непостижимой основы всех вещей. Любуясь ею, чувствую прилив бесконечного вдохновения, идущего из глубин души, закрытых от всех живых. Мне мало окружающего; взбираюсь повыше и хочу обнять природу своим тысячеверстным оком.

Кланяюсь месяцу, свидетелю тайных дум, рождающему во мне поэзию.

Природа меня любит, чувствует, ласкает. Я слит с ней в одно, и я ощущаю это в движении всей твари, как одушевленной, так и неодушевленной.

Весной я томлюсь новыми порывами, но весна скоро проходит. Цветы опадают, наступает несносное лето, с дождями, слякотью, мучительными жарами.

Проходит потное, мокрое, ненастное лето, наступает «чистая» осень с ее исключительной красотой. Но природа умирает и возбуждает в поэте тоску. Воет обезьяна, мечется ветер; они вторят настроению.

Зимой—чистый, величавый, тихий снег; замершая красивая природа. Красиво одиноки среди нее тихий человек.

Возбуждению, идущему от природы, сопутствует вино, будищее в поэте вдохновение живое и освобождающее его от уз земли. Зная, как меня чарует вино и природа, я бегу к ней от надоедливых земных обязанностей.

В. А.

НОЧУЮ В ГОРАХ ШИ-И.

Сравниться с этими высокими горами
И сами облака пловучие не в силах.
Покрыла дымка все—и густо голубеет.
Слабеет и теряется все больше зренье.
Мгновенье—в тысячах деревьев на рассвете
То светит, то таит луна своё сиянье...
За гранью многих гор, осеннего потока
Далеко воды тихие вперед струятся.

Вэй Юн.

СЕВЕРНЫЙ ХОЛМ.

Холмик северный зеленеет
 Там, на север от озера.
 В роще смешанной орхидей:
 Краснота их горит, ярка.
 Извиваясь и изгибаясь,
 Воды с юга несет река,
 То светлея, то исчезая
 Там, за синей каймой леска.

Ван Вэй.

В ЧЖУННАНСКИХ ГОРАХ СМОТРУ НА ДАЛЕКИЙ
ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ.

Гор Чжуннаньских сумрачный хребет
 Выступает высоко.
 Толща снега там встает
 Возле края облаков.
 Цвет небес за небольшим леском
 Светел, ясен, озарен.
 Прибавляет в городе моем
 Холодок закатный он.

Цзу Юн.

ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ, ГДЕ РУБЯТ БАМБУК.

Быстрина течет сияя,
 То кружа, то выпрямляясь.
 Зелень листьев бамбука
 И густа и глубока.
 По тропинке выхожу я
 На дорожку небольшую...
 С песней устремляю взор
 Я на цепи старых гор.

Пэй Ди.

ЗА ПЛЕТНЕМ ИЗ МАГНОЛИЙ.

Теперь, когда настал закат,
 Лазурь и синь вокруг ложится,
 И пеньем возмущают птицы
 Журчанье вод у ручейка.
 Иду я вдоль ручья. Мой путь
 Все глуше каждое мгновенье...
 Таинственное вдохновенье
 Окончится ль когда-нибудь!?

Пэй Ди.

ПОДНИМАЮСЬ НА БАШНЮ АИСТА.

Белея, солнце вскоре
 Зашло за гребень скал,
 И Желтая река
 Течет, вливаясь в море.
 Я изойти хочу
 Тысячеверстным взором:
 На эту башню скоро
 Все выше восхожу.

Ван Чжисхуань.

У ПРУДКА.

От прудка на запад я беседку
 Кое-как связал и сколотил.
 От прудка к востоку в частых ветках,
 В роще я просеку прорубил.
 Но о чем я нынче хлопочу,
 Верно, не поймут другие люди:
 Место приготовить я хочу,
 Где луну мне ждать удобно будет.

Лю Юйси.

ПОКЛОНЯЮСЬ МОЛОДОМУ МЕСЯЦУ.

Я штору свернула,
 И тотчас на новый я месяц взглянула.
 Ему поклонилась я, в то же мгновенье
 Сбежав со ступеней.
 Никто не заметил
 Мой тихий до шопота голос.
 И дует мне в полы и в пояс
 Лишь северный ветер.

Ли Дуань.

ИВЫ У МОСТА ЧЕРЕЗ Р. ФЫНЬ В ПИН'ЯНСКОЙ
ОБЛАСТИ.

Я жил уже когда-то
 В этих краях.
 Вернулся ныне я
 Точно в родную хату.
 И трогательны ивы
 Здесь над водой,
 Чуть свидевшись со мной,
 Льнут мягко и красиво.

Цэнь Цань.

ПОТОК У ДОМА ГОСПОДИНА ЛУАНЬ.

Свищет-хлещет
Ветер в дождь осенний.
Плещет-плещет
Меж камней течение.
Разбиваю,
Впрыгнув, волны в капли...
Вновь слетает
Спугнутая цапля.

Ван Вэй.

ПОТОК У ДОМА ГОСПОДИНА ЛУАНЬ.

Быстрин кипучих громкий рокот
Глушит у берегов потока.
Вдоль них, одной воде послушный,
Плыву я к переправе южной.
И плещут стаи уток, чаек,
Передо мною проплывая.
То далеко они, то снова
Ко мне сюда подплыть готовы.

Пэй Ди.

ХОЛМЫ ХУАЦЫГАН.

Склонилось солнце. Начинает
Меж этих сосен ветер дуть.
Я к дому устремляюсь в путь...
Роса на травах высыхает.
Вот вот следы мои догонит
Сияние из облаков,
И бирюза среди холмов
Края моей одежды тронет.

Пэй Ди.

БЕЗ НАЗВАНИЯ.

Видел я: в весеннем холодке
Распустилась слив краса.
Слышал я: запели вдалеке
Снова птичьих голоса.
Я в томлении своем весеннем
Вижу: зелена, нова,
Перед домом в яшмовым ступеням
Робко тянется трава.

Ван Вэй.

НА ДВОРЕ ВЕСНОЙ СМОТРЮ ВДАЛЬ.

Был долгий день, и ветер был нагретый,
 И ива зелена.
 Гусей, летящих к северу на лето,
 Чуть череда видна.
 Напев свирели в Иоянском доме
 Я слушаю один.
 И песнь весны велит моей истоме
 Наполнить весь Дунтин¹⁾.

Цзя Чжи.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

Не чувствую во сне весеннем
 Сияющей денницы;
 Но слышу: всюду, всюду пеньем
 Зарю встречают птицы.
 Был ветра шум и ливня рокот,
 Пред тем, как рассветало —
 И знаю я: пред домом сколько
 Цветов в саду опало!

Мын Хаожань.

ПОДРАЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕТНИКУ
ЦЮЮ²⁾.

Срежь двора осиянны
 Плиты камня под бледной луной.
 И цветы хайтана³⁾
 Осыпаются сами собой.
 Я стою сиротливо,
 На пустые ступени смотря;
 Вьется ветер, пугливо
 На качелях канат шевеля.

Хань У.

ПРОВОЖАЮ ВЕСНУ.

День за днем старею я всечасно,
 Как-то попусту, напрасно.
 Год за годом вновь возвращена
 К нам является весна.
 Есть бокал вина, и без сомненья
 В нем найдешь ты наслажденье.
 Пусть цветы и полетят к земле —
 Их напрасно не жалея!

Ван Вэй.

РАЗВЛЕКАЮСЬ.

За чаркой винной так и не заметил
 Вечерней темноты.
 Засыпали мне платье эти
 Опавшие цветы.
 Я пьяный встал и по луне шагаю:
 Она в ручье, в воде.
 Вернулись в гнёзда птичьи стаи,
 И не видать людей.

Ли Бо.

ЛОТОСЫ НА ПРУДКЕ С ИЗЛУЧИНАМИ.

Над извилистыми берегами
 Дивный запах кружит, проплывает.
 Очертанья лотосов кругами
 Весь прудок заросший покрывают.
 Все-то я боюсь, что дунет ветер
 Осени на листья слишком рано...
 Только ты б, мой друг, и не заметил,
 Как они, опав, закружат странно ⁴⁾.

Лу Чжаолинь.

ТРОПА МЕЖ АКАЦИИ У ДВОРЦА.

У старых дворцовых ворот
 Тропа меж акаций. К пути
 На дальнее озеро И
 Она постепенно ведет.
 Лишь осень успела прийти—
 И ветер не в редкость с дождем.
 Осыпались листья кругом—
 И некому их подмести...

Пэй Ди.

БЕСЕДКА У ОЗЕРА.

Вода у самого балкона
 Колышет ширью озаренной.
 Чуть двигаясь над пустотой,
 Луна повисла сиротой.
 И прозвучали, душу рая,
 В ущельи вопли обезьяны...
 И ветер издали теперь
 Донес их мне, ворвавшись в дверь.

Пэй Ди.

ХОЛМЫ ХУАЦЫГАН.

Умчались безвозвратно птицы,
Пересекая небеса.
В горах, стоящих вереницей,
Опять осенняя краса.
Взойду ль наверх, иль вниз спущусь я
По тем холмам Хуацзыган,—
И непреодолимой грустью
Унылый дух мой обуян...

Ван Вэй.

ЧИСТЫЕ ВОДЫ.

Воды прозрачны-чисты,
И месяц осенний сияет.
Я в озере южном срываю
Белых кувшинок цветы.
Лотос,—почти говорит,—
Мой баловень нежный, любимый;
И в лодке проплывшего мимо
Грустью меня он разит.

Ли Бо.

ПОДРАЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕТНИКУ
ЦУЮ⁵⁾.

Ливень перестал
На дворе, где мох зелено-синий.
В домик, где листва краснеет, иней
Только-что упал...
Ряд пустых ступеней поднимает
Солнца луч косой;
Грусть мою со мной
Попугай один лишь разделяет.

Хань У.

СНЕГ НАД ЦЗЯНОМ⁶⁾.

Оборвались уж птиц караваны летучих
Над вершинами пиков несметных.
На бесчисленных горных тропинках, на кручах
Уж людские следы не заметны.
В сиротливой лодке только старец глубокий
В тростниковом⁷⁾ стоит одеяньи:
Под летающим снегом рыбак одинокий
На холодном, стынущем Цзяне.

Лю Цзун'юань.

ВИЛЛА ЮАН'ЕЙ.

С хозяином прекрасной этой виллы
 Еще я, правда, не знаком.
 Сажу с ним потому лишь, что пленила
 Меня тень сада с ручейком.
 Пусть он оставит лишнюю заботу
 О том, чтоб мне купить вина,
 Раз денег у меня, у самого-то
 Сегодня полная кошма!

Хэ Чжизжан.

ПОСЛЕ ПЬЯНСТВА, КОГДА МЫ КАТАЛИСЬ С СОВЕТНИ-
 КОМ ШУ ПО ОЗЕРУ ДУНТИН⁸⁾.

Вот если бы убрать — стесать
 Откос Цагевинной Горы⁹⁾, —
 То воды Сяна¹⁰⁾ с той поры
 Отвернули бы широко гладь.
 Отведал я Балинских¹¹⁾ вин.
 Я их, не зная меры, пил,
 И вот уж хмель меня убил
 В красе осенних вод Дунтин.

Ли Бо.

ВСПОМНИЛОСЬ О «ГОРАХ ВОСТОКА».

Много лет в «Горах Востока»
 Быть мне не пришлось...
 А цветы цвели уж сколько
 Раз в «Пещере Роз»?
 Там и тучка исчезала
 Без меня, одна...
 За который дом упала
 Светлая луна?..

Ли Бо.

ПЕСНЬ ВЗИРАЮЩЕГО ВДАЛЬ НА ЧЖУННАНСКИЕ
 ГОРЫ.

Посвящаю сенатору Сюйю.

Выходишь ты вниз, вниз из сената,
 И видишь: настало уже время заката.
 Скорбишь ты о том (знаю я, знаю!),
 Что эти мирские дела очень мешают.
 Ты около двух старых и стройных
 Деревьев с коня соскочил, гляди спокойно.
 Не едешь домой. Смотришь в просторы,
 И видишь в туманной дали синие горы.

Ван Вэй.

ПРОЧЬ ОТ МИРА!

Мир—это пыль, грязь, грубое, пошлое стадо людей. Он обижает и утомляет; он вкладывает таготы на человека, стремящегося к небу, на поэта-сверхчеловека. Древние люди презирали толпу и завещали это презрение нам.

Мир и Великое Дао несовместимы; это исключаящие друг друга противоположности. Ценности мира—деградация Дао; они произошли после сокрушения первичного абсолюта. И человек-порт, имеющий в себе хоть частицу Дао, этим самым отклоняется от мира навсегда.

Мне надоела служба с ее рабскою думой. Я уйду прочь от жизни и свиваю себе гнездо где-нибудь над водой, среди волн и камышей, в пустых осенних горах. Мой дом среди туч, на утесах, высоко над людьми, среди снегов и вьюг.

Там красота непоколебленной людьми природы, которая без людей-свидетелей живет, наконец, своею собственною жизнью. Но я здесь, и обо мне знает месяц, заглянувший в чащу леса. На меня глядит гора, что насупротив, и мы оба друг на друга не можем вдоволь насмотреться.

В доме моем тишь, нет ни души. Здесь прах мирской суеты неизвестен: слишком высок я от земли и далек. Никто меня не слышит, никто меня не видит; моя калитка закрыта для всех: я тоже не желаю никого видеть, ни о ком слышать.

Мой друг—только такой же, как я, отшельник. Он живет в кручах, под облаками, собирая лекарственные травы и созерцая бессмертные. Он—подвижник, глядит с презрением на мир, показывая ему не зрачки, а белки. И чудится мне, что горы не остыли еще от живших здесь святых монахов—отшельников древности.

Гляжу в величие природы и думаю, нет ли еще пути в великую страну завещанных с древности утоний, где живут старинные люди. Мечтаю, и кажется мне, что я взвизываю и лечу вверх, в эмпирей, где владычествует какой-то всемогущий бог.

В. А.

В ЛЮЧЖОУ¹²⁾ ВО ВТОРОМ МЕСЯЦЕ.

Мысли о службе с рабскою думой
Вместе печальны-грустны.
Больше и больше туманится ум мой:
Осень в расцвете весны!
Дождь миновал уже в городе горном;
Всюду опали цветы...
Иволги свищут... Наполнили двор нам
Жунов¹³⁾ зеленых листья.

Лю Цзун'юань.

РОДНИК С БЕЛЫМИ КАМЕШКАМИ.

Мелкий-чистый родник
 В белых камешках вьется.
 Взять рукою тростник
 Мне еще удастся¹⁴⁾.
 Здесь, с обеих сторон
 Я живу над водою,
 И, луной освещен,
 Платье легкое мою.

Ван Вэй.

ПО ЦЗЯНУ.

Мирно сплю. Как лепесток,
 Легок челн.
 Тих и нежен ветерок,
 Не пугаюсь волн.
 Можешь ты, о берег мой
 В камышах,
 Шум осенний и ночной
 Шевелить шурша.

Цянь Ци.

ПОТОК, ГДЕ ПОЕТ ПТИЦА.

Живу я один на свободе,
 Осыпались кассий цветы.
 Вся ночь безмятежно проходит...
 Весенние горы пусты.
 Но птицу в горах на мгновенье
 Вспугнула, поднявшись, луна:
 И песня ее над весенним
 Потоком средь ночи слышна.

Ван Вэй.

ИДУ В ГОРАХ.

Вдаль восхожу меж холодных круч;
 Путь мой наклонен здесь.
 В месте рождения белых туч
 Дом одинокий есть.
 Стала повозка. Вечерний свет
 В кленах приятен мне.
 В инее листья красней, чем цвет,
 Цвет о второй луне.

Ду Му.

ДОМИК В УЗОРНЫХ АБРИКОСАХ.

Среди узорных абрикосов
 Вдали-вдали построен дом.
 Уж много дней провел я в нем,
 К нему изобразившись по откосам.
 И северное озерко,
 И горы южные я вижу
 То здесь перед собою, ближе,
 То за собою, далеко.

Пэй Ди.

ГОРНОЕ ЖИЛИЩЕ.

Иду-иду дорогой горной...
 Когда же кончится она?
 Журчит-журчит ручей проворный,
 И песнь воды везде слышна.
 И шумы листьев движет ветер,
 Сливаясь с лаем горных псов...
 Огонь в дому меж сосен светел
 За мглой осенних облаков.

Лу Лунь.

ДОМИК В УЗОРНЫХ АБРИКОСАХ.

Стесал узорный абрикос
 Я в виде вогнутых стропил.
 Пырей душистый тут же рос—
 Связав его, я кров склонил.
 Не знаю, что туман, среди
 Стропил гуляющий моих,
 Умчится проливать дожди
 Далеко, у людей чужих.

Ван Вэй.

ЗАСТИГНУТЫЙ ВЬЮГОЙ, НОЧУЮ В ФУЖУНСКИХ
ГОРАХ.

Солнце село. Дальше, выше
 Стал массив горы лиловой.
 Небо стынет. Не богата
 Эта белая лачуга.
 Пес во тьме залаял, слышу,
 Под калиткою плетневой...
 Человек ¹⁶⁾ пришел обратно
 Ночью в дом под снежной вьюгой.

Лю Чжанцин.

ЗА ПЛЕТНЕМ ИЗ МАГНОЛИЙ.

Угасающий отблеск зарницы
 Уж осенние горы вобрали.
 За передними — в темные дали —
 Устремились отставшие птицы.
 Яркий цвет и темная зелень
 Различаются ясно порою:
 Видно сумерки горною мглою
 Никуда еще не осели...

Ван Вэй.

БАЛ В МАГНОЛИЯХ.

Все деревья на верхних ветвях
 В ненюфарах. Во время расцвета,
 Распустившись повсюду в горах,
 Эти чашечки алого цвета
 Близ потока, в тиши у дверей,
 Где никто из людей не бывает,
 В беспорядке, по воле своей
 Раскрываются — и опадают.

Ван Вэй.

МОЕ ПРИСТАНИЩЕ В СЕЛЕНЬИ БАМБУКОВ.

В бамбуках кругом — безлюдье.
 Я совсем один сижу.
 То играю я на лютне
 То протяжно засвищу.
 Из людей никто не знает,
 В глубине лесной, что я
 Вставший месяц созерцаю,
 Озаряющий меня.

Ван Вэй.

ОДИНОКО СИЖУ В ЦЗИНТИНСКИХ ГОРАХ.

Прекратился уж полет высокий
 Птиц, летающих сплошной стаей.
 Тучка сиротливо-одинок
 На свободе в дали уплывает.
 И, друг другу не надоедая,
 Смотрим друг на друга я и горы.
 И докуда зрение хватает,
 Есть лишь эти горные просторы.

Ли Бо.

ГОРНАЯ ХИЖИНА.

В горной хижине постоянна
 Непрерывная тишь всегда.
 В поздний вечер и утром рано
 Тучки вольно летят сюда.
 На дворе же пустом, в оконце
 Что б еще я заметить мог?—
 Озаренный склоненным солнцем
 Синевато-зеленый мох.

Хуанфу Жань.

ЖИЛИЩЕ У РУЧЬЯ.

Вниз до чистого ручейка
 Здесь тропинка пред воротами.
 И навес мой из тростника
 Вровень с древними деревьями.
 И не может теперь сюда
 Прах мирского багровый взвиться...
 Только слышится иногда,
 Как поет водная птица.

Пэй Ду.

ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ, ГДЕ РУБЯТ БАМБУК.

Тонкий, высокий бамбук
 Над излучиной чистой желтеет.
 Темная зелень вокруг
 Здесь над рибью, колеблясь, темнеет.
 Тихо под сумраком я
 На дорогу Шаншаньскую вышел...
 Знаю наверно: меня
 Ни один дровосек не услышал.

Ван Вэй.

В ОЛЕННИКЕ.

Я не вижу людей
 В опустевших горах —
 Только эхо речей
 Раздается в ушах.
 Пронизал глубь леса
 Свет обратный¹⁶⁾ опять,
 И над зеленью мха
 Стал он снова сиять.

Ван Вэй.

В ОЛЕННИКЕ.

Холодны стоят высоко
Горы... Вечер догорающий...
Значит—гость я, одиноко
Между чуждых гор блуждающий.
Я не знаю, что в сосновой
Этой роще люди делают;
Лишь следы я вижу снова,
Где прошли олени белые.

Пэй Ди ¹⁷⁾.

ЮЖНЫЙ ХОЛМ.

Я от южного холма отплыл
В легком челноке. И вог,
Холмик северный водоворот
Неприступно отделил.
Из-за бухты вдалеку взираю я
На дома людей чужих.
Далеки мы. Я не знаю их,
Так же, как они меня.

Ван Вэй.

В ОТВЕТ БРАТЦУ ЧЖАН У ¹⁸⁾

Пырейная лачуга
В Чжуннани есть. Фасад
Ее встречает с юга
Вершин Чжуннаньских ряд.
Весь год гостей не вижу я,
Всегда закрыта дверь моя.
Весь день свобода здесь, и с ней
Усилий нет в душе моей.
Ты ловишь рыбу, пьешь вино,
И не кредит тебе оно.
Приди!—и будем мы с тобой
Ходить друг к другу, милый мой!

Ван Вэй.

ПРИШЕЛ К ОТЕЦЕЛЬНИКУ, НО НЕ ЗАСТАЛ ЕГО.

Я спросил ученика, придя в обитель—
Под сосной густой-зеленоглавой.
Он сказал мне, что ушел учитель
Собирать лекарственные травы:
„Вероятно, он недалеко,
Между этих гор, или на лугу,
Но под плотной мглой облаков
Где он—указать вам не могу“.

Мын Цзяо.

ГОРНАЯ БЕСЕДКА УДИНЕННОГО МЕЧТАТЕЛЯ ЦУЙЯ.

Меж трав лекарственных дорожка
 В глубоких, мягких мхах багровых.
 Полно здесь горное окошко
 Глубоких далей бирюзовых.
 Но зависть к Вам меня тревожит:
 Вы под цветами опьянели,
 И мотыльком во сне, быть может,
 Теперь, порхая, полетели ¹⁹⁾.

Цянь Ци.

ПРОХОЖУ МИМО ОБИТЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА ЧЖЭНА.

Тишь. Из рощи абрикосов долетает
 Голос иволги-сироты.
 Пусто. Лишь в долине персиковой ²⁰⁾ лает
 Пес, спрятавшийся в кусты.
 Ни в цветах, опавших, ни в траве высокой
 Не могу я тебя найти.
 Между тысяч гор отшельник одинокий
 Подвигается взаперти.

Лю Чжансян.

ВМЕСТЕ С ЛУ СЯНОМ ПРОХОЖУ МИМО БЕСЕДКИ
 В САДУ УЧЕНОГО ЦУЙ СИНЦЗУНА.

Деревья зеленые плотную тень
 Повсюду собою накрыли.
 Здесь мох утолщается каждый день,
 И нет здесь, конечно, пыли.
 Он ноги скрестивши, без шапки сидит
 Под этой высокой сосною;
 На мир лишь белками с презреньем глядит
 Живущий жизнью землею.

Ван Вэй.

ПО ЦЗЯНУ.

Остался фут единый,
 Но так мешают дождь и ветер,
 Что не подняться мне на эти
 Лушаньские ²¹⁾ вершины.
 Все чудится в ненастьи,
 Что здесь в тумане туч, в пещерах
 Еще живут монахи ары
 Былых шести династий ²²⁾.

Цянь Ци.

КАМЕННЫЙ КОЛОДЕЗЬ.

Лепесток зари с высоты
 Осветил колодезь из старых камней.
 Этих персиков алых цветы
 Оградили в ручье, под водою, на дне.
 Разве можно ручаться и знать,
 Что под сводом таинственных каменных плит,
 Невозможно проход отыскать,
 За которым долина У-лин ²³⁾ лежит?

Цянь Ци.

ИСТОЧНИК ЗОЛОТИСТОЙ ПЫЛИ.

Источник золотистой пыли...
 Пью каждый день его я струи.
 По меньшей мере, без усилий
 Лег тысячу прожить могу я...
 С драконом полосатым в паре
 Летящий бирюзовый феникс ²⁴⁾
 К Нефритовому Государю ²⁵⁾.
 Меня несёт на поклоненье.

Ван Вэй.

МОЙ ДРУГ

Друг и гость—родная душа, человек одной и той же внутренней культуры, одних и тех же эстетических эмоций. Это тот, кто понимает звуки моей сердечной музыки, как в свое время понимал звуки лютии своего друга Чжун Цыци ²⁶).

Я положу ему в вино наилучших, природою подсказанных благоволий. Я подожду моего чудесного и строгого аскета-монаха, и трепетно подмету для него дорожку в дом. Порхает душа будущего небожителя, даосского отшельника, и когда я устраиваю ему проводы, мне кажется, что даже нашей трапезе сообщается летучесть и порхание бессмертных существ.

Мой друг—что дорогая яшма древнего царя, которой предлагалось, в случае неудачи обменять ее на царство, быть возвращенной на родину. И вот, с грустью я провожаю его: таков его рок, таково его достоинство. Знай же, друг, что и я остаюсь здесь с чистым дружеским чувством, которое во мне сквозит, как в яшмовой амфоре прозрачная льдинка.

Никто не знает друг друга лучше, чем мы с тобой, и на прощанье нам не разомкнуть рук и длинных рукавов. Как холодно становится, когда прощаешься с другом! Стынет осенняя река и теперь, как стыла в древности, когда друзья провожали героя на убийство тирана. Даже весенний ветер, оживляющий всю природу, на меня, вместо радости, наводит тоску. Тем более тоскливо, когда кончается весна и опадают цветы: ведь они ложатся на землю так же безмолвно и безответно, как безответна и бессильна моя печаль.

Флейта играет тоскующие мелодии. Вдруг я услышу ее впоследствии: куда деваться тогда от злой тоски?

Старый обычай отламывать ивовую ветвь на прощанье привел к тому, что больно видеть эти изуродованные деревья: еще больнее знать, что под ними много пролито слез разлуки, в том числе и моих.

Уходит друг, и наша сплоченная «стая» распадается. Можно лишь чувствовать по себе, как ему жутко и холодно. Но никто не видит, как холодно и тягостно мне в эту первую ночь разлуки.

Бегу куда-нибудь наверх, чтобы увидеть еще раз дорогую движущуюся точку. Да остановись же ты хоть раз: ведь даже птицы отдыхают!

Чувство моей любви к другу, как вал прилива, готово перекатить за все пределы, чтобы нагнать друга, захватить его.

Без друга—одна тоска. Пришла весна, сияет луна; но не с кем любоваться красотой природы. Когда наступит осень, то среди моих пустынных гор я только и думаю, что о нелюбимом, как и я, поэте, с которым недавно лишь расстался.

Друг мертв... Как ни цветы {природа, как ни умирай—напрасно: уже любоваться тобою он вместе со мною не будет!

В. А.

БЕРЕГ В ИНБИРЯХ.

В зеленых и пунцовых
Тонах вокруг плоды,
Как будто это снова
Цветут цветы.
Лишь гостя без заботы
В горах я удержу:
Их в эту чарку-лотос
Я положу.

Ван Вэй.

ТРОПИНКА МЕЖ АКАЦИИ У ДВОРЦА.

Тропинка наклонная здесь
 В акациях скрыта-тиха.
 И много под сумраком есть
 Зеленого мха.
 В ответ на стук в воротах
 Я только для встречи подмел:
 Боюсь, что горный монах
 Уже подошел.

Ван Вэй.

БЕСЕДКА У ОЗЕРА.

В легком челноке
 Гостя дивного встречаю:
 Там на озерке,
 Издали он подъезжает...
 Вышли на балкон
 И сидим за винной чарой.
 С четырех сторон
 Распустились ненюфары.

Ван Вэй.

НОЧЬЮ ПРОВОЖАЮ ЧЖАО ЦЗУНА.

За прекрасную гемму правителей Чжао
 Предлагали пятнадцать больших городов ²⁷⁾.
 И до нынешних дней по вселенной слава
 Прогремела о ней из далеких годов ²⁸⁾.
 Ты на родину едешь ²⁹⁾, простившись со мною;
 И тебя провожан, я вижу: река,
 Что наполнена яркой, блестящей луною,
 Перед лодкой твоей течет, широка.

Ян Цюн.

ПРОВОЖАЮ ДАОСА СЫМА ЧЭНЧЖЭНА, УЕЗЖАЮЩЕГО
НА ГОРУ ТЯНЬ-ТАЙ ³⁰⁾.

Путник пернатый ³¹⁾, с флейтой певучей
 Летя, удалится с этой земли.
 В ковре расставания белые тучи
 То тут, то там взлетят—и ушли.
 Здесь, во дворце государя, в Пыллае ³²⁾
 Давно-давно вспоминают его,
 А он, безвозвратно вперед улетаю,
 Стремится на дальние горы Тунбо ³³⁾.

Сун Чжизянь.

В «НЕНЮФАРОВОМ ДОМЕ» ПРОВОЖАЮ СИНЬ ЦЗЯНЯ.

Слился холодный дождь с рекой..
Мы ночью в У ³⁴⁾ придти успели.
Я гости проводил с зарей—
И горы Чу ³⁵⁾ осиротели.
Когда Лоянские ³⁶⁾ друзья
Заговорят с тобою вскоре,
То ты скажи, что сердцем я—
Как льдинка в яшмовой амфоре ³⁷⁾.

Ван Чанлин.

РАССТАЮСЬ С ДУН ТЯНЕМ.

На десять верст желтеют тучи,
И солнце белое садится.
Относит ветр гусей летучих,
И снег не прекращает виться.
Не сожалею, что ты не встретишь
В пути узнавшего тебя.
Подумай только, кто на свете
Тебя не знает так, как я.

Гао Ди.

ПРОЩАЮСЬ С ЦИНЬ ЦИНОМ.

Хоть знаем, что еще со мной
Вы встретитесь, наверно, друг,
Все ж нынче в тишине ночной
Не разомкнуть нам рук.
Не думайте же, что вино,
Которое я с Вами пью,
Так задержать Вас не вольно,
Как ураган Шию ³⁸⁾.

Сыкун Шу.

ПОКИДАЮ ЦУЙ СИНЦЗУНА.

Остановлены лошади в ряд; мы готовы
Разлучить рукава и полы.
Над каналом большим императорским снова
Начинается чистый холод.
Впереди красотой синя высоко,
Поднимаются горы-громады,
От тебя уезжаю я вдаль одиноко,
И опять на сердце досада.

Ван Вэй.

РАССТАВАНИЕ НА Р. И ³⁹).

Расставшись с Янь'ским Данем тут,
 Великий муж ⁴⁰) был тверд и крут,
 Но в шанку волосы его
 Ударил над головой...
 Мужи глубокой старины
 Уже исчезли навсегда,
 Но нынче так же, как тогда,
 Речные воды холодны.

Ло Биньван.

РАССТАЮСЬ С ВАНЧУАНЬСКОЙ УСАДЬБОЙ.

Горный месяц и на рассвете
 Остается в небесах.
 Непрерывный холодный ветер
 Дует в этих густых лесах.
 Месяц, ветер—полны стараний,
 Точно чувства живут и в них...
 Мне ж, исполненному страданий,
 Расставаться велят они.

Ван Цзинь.

ВОЛНЫ У ИВ.

Расстались мы с тобой. Иду я
 Вдоль этих пышных насаждений,
 И в чистые уходят струи
 Их опрокинутые тени.
 Не так, как ветер, что летает
 На императорском канале,—
 Здесь вешний ветерок рождает
 В расставшихся одни печали.

Ван Вэй.

УЕЗЖАЯ К ЮГУ, РАССТАЮСЬ С БРАТОМ.

Гладкая, тихая тянется вдаль,
 Бьется река.
 Скорбна, безмерна на сердце печаль—
 Дальнего гостя тоска.
 Цвет опадающий всюду грустит,
 Точно моя
 Эта досада. К земле он летит
 Так же безмолвен, как я.

Вэй Чэнцин.

ОЗЕРО И.

Я тебе на свирели играю.
 К бухте вышли мы издали,
 И тебя я, мой друг, провожаю...
 Вот уж сумерки подошли.
 Обратил на мгновение взоры—
 Я к поверхности озера:
 И, темнея, закутались горы
 В побелевшие облака.

Ван Вэй.

СЛУШАЯ НАД ЦЗЯНОМ ФЛЕЙТУ, ПРОВОЖАЮ Г. ЛУ

Я слышу: флейта далеко
 Звучит печально над рекой.
 Едва мы вышли, прощаясь—
 И вот тебя я провожаю.
 Тоска моя пришла опять:
 Один я буду почевать.
 И буду слышать звуки эти
 В моем рабочем кабинете.

Вэй Ин'у.

РАССТАВАНЬЕ.

Аллеи тополей и ив,
 Где ветерок восточный пробежал,
 Зазеленели, обступив
 И сжавши императорский канал.
 И свежая на них видна
 Мучений боль от сломанных ветвей.
 Должно быть, оттого она,
 Что расставалось много здесь друзей⁴¹⁾.

Ван Чжихуань.

ПРОВОЖАЮ ЮАНЯ 2-ГО, НАЗНАЧАЕМОГО В АНЬСИ.

Утренним дождем в Вэйчэне⁴²⁾
 Чуть пыльца увлажнена.
 Зелены у дома тени,
 Свежесть ив обновлена.
 Выпей, друг, при расставаньи
 Снова чарку наших вин!
 Выйдешь ты из Ян-гуаня⁴³⁾
 И останешься один.

Ван Вэй.

В БЕСЕДКЕ НАД Р. ЯНЦЫ В ЛУННУЮ НОЧЬ ПРОВО-
ЖАЮ УЕЗЖАЮЩЕГО ДРУГА.

I.

С юга из Банани ⁴⁴⁾ посылает
Воды Янцзыцзян.
Горы поперек пересекают
Облаков полуночных туман.
Дом над переправой в ночь и осень...
Светел лунный круг...
Кто ж увидит, как скорбит на плёсе
Отделившийся от близких друг?!

II.

Косматого тумана пелена
Ступени бирюзовые накрыла;
Высокая летучая луна
На южный вход сиянье обратила.
Беседку закрываю... Тишина.
Мы здесь с тобой расстались. И ушла
Впервые ночь, темна и холодна;
Застыла и река, и эти скалы.

Ван Бо.

НА «ВЫСОКОЙ ТЕРРАСЕ» ПРОВОЖАЮ ЦЕНЗОРА ЛИ
СИНЯ.

Провожать тебя всхожу
На „Высокую Террасу“ и слежу,
Как безмерно далека
Протянулась и долина и река.
Солнце село; и назад
Птицы, возвращающиеся, летят.
Ты же продолжаешь путь
И не остановишься передохнуть.

Ван Вэй.

ПРОВОЖАЮ ВАНА, СМОТРИТЕЛЯ ДВОРЦОВ.

Там — на западе — стена:
Горы в облаках далеко.
В вешнем ветерке с востока
Путь-дорога так длинна!
Чувство же мое, мой милый,
Больше, чем воды прилив:
В дали друга проводив,
За Сюньян ⁴⁵⁾ перекатило.

Хуанфу Цзэн.

ВЕСНОЙ СМОТРЮ ВДАЛЬ НА ПОЛЕ.

Выхожу один, а из ворот
Не на что мне устремить глаза.
Лишь наполнила весенняя краса
Все лужайки, где трава растет.
Друга нет—и вот я затужил
О „познавшем до конца меня“⁴⁶⁾...
Даже бражнику обрадовался б я,
Что когда-то в Гаюне жил⁴⁷⁾.

Гао Ди.

ОТВЕЧАЮ ЛИ ХУАНЮ.

Ты, мой друг — одинокий странник,
Встретив меркнувший вешний свет,
Чувства все описал в посланьи
Другу-спутнику прежних лет.
Служишь ты за строною морскою,
Издаёка послал мне весть.
Но твоё получил письмо я
Лишь в Лоянскую осень здесь.

Вэй Ин'у.

В ПРИРЕЧНОМ ДОМЕ ОПИСЫВАЮ СВОЕ НАСТРОЕНИЕ.

Один поднимаюсь на дом у реки,
И думы мои, как вода, далеки.
Сиянье луны подобно воде —
И воды сливаются с небом везде..
Но где же, но где же того я найду,
С которым смотрел я на лунную ночь?..
А нынче картина похожа точь в точь
На ту, что была здесь и в прошлом году!

Чжао Цзя.

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ ПОСВЯЩАЮ ЦЮ 22-МУ.

Я думы, мой друг, о тебе
Средь ночи осенней таю.
Я тихо хожу и пою
Про холод осенних небес.
Уж шишки, вон там, под сосну
Упали... Горы пусты.
Поэт нелюдимый, а ты
Наверно, еще не заснул!

Вэй Ин'у.

ПОСВЯЩАЮ МОНАХУ С ЗАКАТНОГО ХОЛМА.

Роща сосен темна,
И журчит-журчит ручеек.
Эта ночь холодна,
Задремать я еще не мог.
Над Закатным Холмом
До сих пор еще месяц блесит...
Вспоминаю о том,
Кто у кельи убогой сидит ⁴⁸⁾.

Чжан Цзи.

ОПЛАКИВАЮ МЫНЦЗИ.

В этом тихом Цюйцзянском храме,
Где записаны имена ⁴⁹⁾,
Девятнадцатый ты монах,
Самый юный меж нас годами.
Но сегодняшней красоты
Не увидишь ты больше с нами:
Абрикосы за воротами
Осыпают уже цветы.

Чжан Цзи.

НА ЧУЖБИНЕ

На чужбине, оторванный от семьи, отцов, делов, лишенный ее твердынь, человек — как сирота. А кому из тех, кто служит, — иначе, почти поголовно каждому из образованных людей, и в том числе поэтов, — кому не приходится жить на чужбине⁵⁰?

Сижу ль я одиноко в лодке у чужих мне берегов; сплю ли в гостинице, где мне за деньги дают кров, в котором откажет, как бродяге, всякая семья; забираюсь ли по наряду властей в дебри Шамо, — меня не покидает дума о родине.

Вот так же светла ночью эта же самая луна и там, у нас. Вот так же справляют праздник сейчас и там, у нас. Вышевает флейта томный мотив о «Сломанных ивах», напоминающий прощанье с родными. И даже названия щебечущих птиц говорят мне о том, что пора, пора домой.

Поток, возьми слезы моей тоски с собой и домчи их на родину! Весна, ты опять напрасно пришла: ведь я не могу встретить тебя у себя дома! Унеси же меня с юга, куда ты приходишь раньше, на север, где ты будешь вскоре, — хотя бы во сне!

Вост обезьяна, свищет ветер; кричат летящие на север, в родной край гуси... Я первый слышу эти страшные звуки: зимовать мне снова на чужбине!

Но есть вино — и, значит, я могу забыться; забыть, что здесь не дом...

Счастье! Еду на родину... Приближаюсь к дому. Сердце щемит ожиданием. Увы! Давно уже я покинул родные места, и молодежь меня не знает.

В. А.

НОЧУЮ НА Р. ЦЗЯНЬДЭ⁵¹).

Я под легкою мглой островка,
Переправившись в лодке, причалил.
На закате печаль и тоска
В чужеземце внезапно восстали.
А долина вокруг широка,
К лесу небо спускается низко.
Чистотою прекрасна река,
И луна предо мною так близко!

Мын Хаожань.

У КЛЕНОВОГО МОСТА НОЧЬЮ НА ПРИЧАЛЕ.

Запевшие птицы... Месяц склоненный...
 Полны инея горные дали...
 Рыбачьи огни и приречные клены
 Предо мною, уснувшим в печали.
 Из храма Ханьшань, где зелень густая,
 (За Гусу'ским городом), четкий
 Сюда полуночный звон долетает
 До моей одинокой лодки.

Чжан Цзи.

В ПУСТЫНЕ ШАМО ⁵²⁾.

На запад, на запад лошадь бредет,
 На небо забраться готова.
 Покинул я дом,—и второй раз встает
 Луна округленная снова.
 Сегодня, забытый, не ведаю я,
 Где ночь проводить я стану.
 Отрезаны дымы людского жилья
 Безмерной пустыней песчаной.

Цань Цань.

ДУМЫ В ТИХУЮ НОЧЬ.

В изголовии ложа
 Сияет, светлеет луна.
 Показалась похожей
 На иней упавший она.
 Посмотрел на луну я,
 Лицо к небесам обратив,
 И припомнил родную
 Страну я, лицо опустив.

Ли Бо.

В ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ ВСПОМНИЛ
 БРАТЬЯХ В ГОРАХ.

Живу одиноко в чужой стороне,
 Как причудливый странник. И вот,
 Лишь радостный праздник Чун-яна ⁵³⁾ придет,
 О родных и тоскую вдвойне.
 Все братья теперь с волшебной травой,
 (Вспоминается мне вдали)
 Чтоб стебли воткнуть, на горы взошли...
 Но кого-то там нет одного.

Ван Вэй.

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ В Г. ЛОЯНЕ ⁵⁴⁾ СЛЫШУ СВИРЕЛЬ.

Из чьего, я слышу, дома звуки яшмовой свирели,
В темноте летя, пропели?

Проникают эти звуки в вешний ветер,
устремляясь

В город Ло и рассыпаясь
Нынче ночью меж мелодий и печальных и то-
скливых,

Слыша „Сломанные ивы“⁵⁵),
Кто же может не заметить, что о родине в пе-
чали

Думы на сердце упали?!

Ли Бо.

ПОСВЯЩАЮ МОЕМУ СПУТНИКУ.

Полно зари мое оконце.

Дрозды поют: „Зови-явиться“ ⁵⁶).

Свистит „Скорей назад!“⁵⁷⁾, но солнце

На запад все же не садится.

Невольно, ничего не зная,

Сидят в цветах весенних птицы

И мне все горе выпевают,

Которое в груди теснится.

Хань Юй.

УВИДЕЛ ВОДЫ ВЭЙ, ВСПОМНИЛ О РЕКАХ ЦИНЬ.

Вэйский поток
Далеко течет на восток.
Не знаю, когда
В Юнчжоу добежит вода.
Пусть же еще
Ряд моих слез двойной
Вместе с рекой
В край мой родимый течет.

Цэнь Цань.

ИЗ ЮЖНОГО ДОМА СМОТРЮ ВДАЛЬ.

Из мест родных уйдя,
Я далеко в Саньба⁵⁸).
Взошел в беседку я—
Везде-везде весна...
Мне грустно оттого,
Что на волнах реки
Из близких—никого,
И все не земляки...

Лу Чжуань.

ОТРЫВОК.

Река лазурна-ясна,
А птица отменно бела.
Гора темна и синя,
Цветок вот-вот загорится.
И в этом году весна
Опять напрасно прошла...
Когда же придет для меня
Мой срок назад возвратиться?

Ду Фу.

РАННЯЯ ВЕСНА В ЛИНЛИНЕ ⁵⁹).

Я спросил у весны:
„Удалившись из этой страны,
Через сколько же дней
Ты придешь к Цинъюани ⁶⁰) моей?“
Я доверюсь весне:
С ней вернусь я домой хоть во сне,
И любовно-нежна
Принесет меня в дом мой она.

Лю Цзунюань.

В ЦЗЯННАНИ ⁶¹).

(Мелодия).

Кленовый лесок
Уже на закате грустит.
И снова я мог
На Чу ⁶²) печали снести.
Расстались... Блестит
И стынет луна над горой.
Прозрачный звучит—
Звучит обезьяний вой.

Чу Гуанси.

ОСЕННИЙ ВЕТЕР.

(Прелюдия).

Откуда ветер осенний вышел,
Досюда долетая?
Свистит-свистит он и гонит выше
Гусей летящих стаи.
Сегодня утром ворвался ветер
В мой сад, и свист высокий
На много раньше, чем все, отметил
Скиталец одинокий.

Лю Юйси.

«ДОСАДА ЯШМОВОЙ ЛЮТНИ» ⁶³⁾.

Льдинки штор... Серебряное ложе..
Не приходят сны..
Синь небес на воды так похожа..
Легкость туч ночных..
Снова к Сю-Сяну ⁶⁴⁾ улетаю,
Крик гусей звучит..
Да, в двенадцатом доме ⁶⁵⁾ сияют
Лунные лучи!

Вэнь Тинцзюнь.

ЗАСЛЫШАЛ ГУСЕЙ.

Стала родина милая—там:
Где-то вдали... вдали..
Мне к родным бы вернуться местам!..
Грустно мечты потекли..
В Хуайнаньскую ⁶⁶⁾ ночь, под дождем,
Осенью, полный скорбей,
Слышу в доме высоком своем
Я прилетевших гусей.

Вэй Ин'у.

ЛЮБУЮСЬ ЦВЕТАМИ И ПЬЯНСТВУЮ С ВЭЙ СЯНОМ.

Состарившийся мой висок —
Как снег на тысяче стеблей.
А здесь, в стране чужих людей,
Все дерево—сплошной цветок.
Но с Вами, сударь, мы вдвоем
С утра сегодня пьем вино,
И я забыл давным давно,
Что мы еще в Чанша ⁶⁷⁾ живем.

Сыкун Шу.

СРЕДИ ЧУЖИХ.

Ланьлинского ⁶⁸⁾ прекрасного вина
Густ золотистый аромат.
И чаша яшмовая вновь полна:
В ней с блеском янтари горят.
И пусть теперь хозяину меня
Вином удастся опьянить —
Тогда, где будут чуждые края,
Я не возьмусь определить.

Ли Бо.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ Р. САНГАНЬ.

Десять раз спускался иней
 С той поры, как в Пине я живу.
 И во сне, и на яву
 Я в Сянъян ⁶⁹⁾ вернуться жажду ныне.
 Чрез Сангань не так давно я
 Переехал без особых дел.
 Чуть назад я посмотрел:
 Область Пин почувствовал родною.

Цзя Дао.

ПЕРЕПРАВЛЯЮСЬ ЧЕРЕЗ Р. ХАНЬ ⁷⁰⁾.

Все вести из земли родной
 Прервались за горами.
 И много лет зимой, весной
 Я числил дни за днями.
 Вот близко родина моя ⁷¹⁾,
 Тревога ж все сильнее;
 Подходит кто-то... Только я
 Спросить его не смею!

Сун Чжизэнь.

ЭКСПРОМТ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ.

Ребенком, давно я покинул свой дом:
 Назад прихожу стариком.
 Хотя нет изменений в родных голосах,
 Но проседь в моих волосах.
 Юнцы и дети глядят на меня —
 И им неизвестно, кто я.
 С улыбкой вопрос задают мне они:
 „Откуда Вы, странник, пришли?“

Хэ Чжизжан.

НЕМИЛОСТЬ

С тех пор, как бессмертный Цюй Юань (332—295 г. до Р. Х.) в своих рапсодиях воспел тоску по государю, его изгнавшему), поэты всех времен вдохновлялись этим близким почти каждому из них сюжетом и писали под *сао*⁷²), будучи людьми *сао* (*сао жень*), поэтами тоски, и просто поэтами.

Пусть хоть весенний ветер донесет до дворца государева мою печаль! Ведь, даже известие о чужой опале поражает ужасом: тем более ужасна она мне, и особенно под старость.

Уныло еду в опалу, на юг... А там есть и другой изгнанник, милый сердцу. Провожая его в новое изгнание, тоскую сугубо.

Воспевая свою тоску, невольно сравниваю себя с гаремной царской наложницей, утратившей милостивое внимание. Так, ждет она на своем стынущем крыльце царского посещения, не смея роптать в присутствии других, хотя бы таких же обездоленных, как она сама. Увы—все разъясняется, когда знаем, что новая фаворитка уже овладела расположением государя. Она смеется над старыми и вытесняет их.

В. А.

ЦВЕТЫ ГРУШ У ЛЕВЫХ ДВОРЦОВЫХ ВОРОТ.

Красота цветов холодновата:
Их вполне за снег бы мог принять я.
Источаемые ароматы
Мне внезапно проникают в платье.
И сказал я: „Ветерок весенний!
Не стихай в саду моем все время,
И на ряд нефритовых ступеней
Ты лети туда с цветами всеми!“

Цю Вэй.

В КОНЦЕ ГОДА ВОЗВРАЩАЮСЬ В ЮЖНЫЕ ГОРЫ.

Перестал у „Северных Ворот“⁷³⁾
Представлять доклады я. И вот,
В горы возвращаюсь ныне к югу
Я в свою убогую лачугу.
Бесталанного меня забыл
Государь мой светлый, не взлюбил.
В этой жизни я болел не мало —
И друзей моих немного стало.
В волосах белеет седина:
К старости теснит меня она,
Как весна теснит остатки года,
Что уже готовится к уходу.
Постоянно я грущу, скорблю
И, тоскуя, по ночам не сплю.
Только вижу: месяц над сосною
Ночью смотрится в окно пустое.

Мын Хаожань.

УСЛЫХАЛ, ЧТО БО ЛЭТЯНЬ⁷⁴⁾ СМЕЩЕН В ЦЗЯН-
ЧЖОУСКИЕ КОНЮШИЕ.

Иссяк светильник. Нет огня.
И машет тень со всех сторон...
Да, в этот темный вечер я
Узнал, что ты в Цзюцзян⁷⁵⁾ смещен.
И с ложа в ужасе привстал
На грани смерти я, больной...
А мрачный ветер дождь примчал
И бил в холодное окно.

Юань Чжэнь.

ПЕРЕПРАВЛЯЮСЬ ЧЕРЕЗ РЕКУ СЯН.

Уж солнцу в роще пора склониться,
А я о прошлом исполнен грусти.
Весною нынче цветы и птицы
Рождают скуку в захолустьи.
Один скорблю я, что из столицы
Я еду к югу. (Меня сослали).
И не похож я на Сян⁷⁶⁾, что мчит
Все время в северные дали.

Ду Шэньянь.

ВТОРИЧНО ПРОВОЖАЮ ЛАНЧЖУНА⁷⁷⁾ ФЭИЯ, ССЫ-
ЛАЕМОГО В ЦЗИЧЖОУ.

Гости расстаются. Вечер над рекой,
Где крикливы обезьян стада...
Человек терзает душу сам собой,
Как сама собой течет вода.
Оба ныне мы изгнанники, но Вы
Много дальше едете, чем я.
Вижу: в даях горной темной синевы—
Ваша сиротливая ладья.

Цзя Дао.

СТАРИННОЕ.

В свой дом золотые ступени
Я вымыла чисто; и всюду,
Как снег белеет, сияя,
Рассветный летающий иней...
При спущенной темной гардине
На лютне играю одна я,
И знаю: не в силах отсюда
Взглянуть я на месяц осенний.

Цуй Гофу.

ТОСКА У ЯШМОВЫХ СТУПЕНЕЙ.

Я стою... У яшмовых ступеней
Иней появляется осенний.
Ночь длинна-длинна... Уже росой
Увлажнен чулок мой кружевной.
Я к себе вернулась и, печальна,
Опустила занавес хрустальный.
Но за ним я вижу: так ясна
Дальняя осенняя луна!

Ли Бо.

ВО ДВОРЦЕ.

Тишина... Цветенья настала пора...
Открывают ворота двора.
На веранде красавицы вместе стоят,
Стены пурпуром ярко горят.
Затаивши чувства, готовы они
О дворцовых делах посудить —
Попугай перед ними: они не одни —
И не смеют они говорить.

Чжу Юйцин.

МЕЛОДИЯ ИЗ ЦИКЛА: «ДВОРЕЦ ВЕСНОЙ».

Прошлой ночью раскрыл цвет у персиков
 ветер
 Там, где возле деревьев был колодезь отрыт.
 Перед залой Вэйян ⁷⁸⁾, в небе ярок и светел
 Круг высокой луны так прекрасно блеснит.
 О! Пин'янская песнь с танцем ⁷⁹⁾, радость
 фавора
 Встретив новую здесь, весь наполнила сад.
 Я же — „холод весны“ вновь узнала за шторой:
 Царь мой светлый послал мне парчевый халат ⁸⁰⁾.

Ван Чанлин.

ФРЕЙЛИНА БАНЬ ЦЗЕЮЙ ⁸¹⁾.

Странно всем, что двери я закрыла
 В терем, где храню белила.
 Царь спустился из приемной залы,
 Но его я не встречала.
 Без конца смотрю, смотрю весь день я
 В этот царский сад весенний.
 Там, я слышу, говор раздаётся:
 Кто-то ⁸²⁾ меж кустов смеется.

Ван Вэй.

Ж Е Н А

Жене полагается быть только дома, никуда не отлучаясь и подчиняясь семейным установлениям, хотя бы и чуждым для нее, как вошедшей в дом мужа со стороны. А муж, по делам торговли или службы, должен ее покидать...

И вот, сохну я, как тускнеет луна, в ежедневной печали, в бессонных, друг за другом идущих ночах. Слезы под утро превращаются в лед: все думаю и думаю о муже.

Осень. Нужно шить мужу платье. Не скроить бы широко: он ведь, несчастный, наверное исхудал на чужбине, где о нем никто не позаботится! Вместе ж с платьем вышью ему и платок, как древняя Су Жолань, со стихами, убеждающими не увлекаться на стороне.

Муж идет... Конец бессонным ночам... Он входит—ах—даже принарядиться не успею. Счастье наступает...

В. А.

С ТОЙ ПОРЫ...

С той поры одна я стала:
Да, покинул ты меня!
Я еще не расправляла
Нитей спутанных тканья..
Сохну, о тебе мечтая.
Я, как полная луна:
С каждой ночью уменьшает
Свой прекрасный блеск она.

Чжан Цзюлин.

ПЕЧАЛЬ В ГАРЕМЕ.

Жемчужная завеса покрывает
 Решеткою холодную луну.
 Припала к тюлевому я окну —
 За мной фонарь рассветный догорает,
 И слезы увлажнили мой платок:
 Ведь до сих пор они всю ночь струились!
 Уже на половину превратились
 Они в весенний утренний ледок...

Лю Юйси.

ГАРЕМ ВЕСНОЙ.

Ветви ив за стеной городской
 Так гибки и нежны!
 Шелковицы над самой межою
 Зелены-зелены.
 Я с корзинкой в руках забылась,
 И листвы я не рву:
 Мне вчерашнею ночью приснилось,
 Что в Юйяне ⁸³⁾ живу...

Чжан Чжунсу.

В ГАРЕМЕ.

К порубежной горе, далеко
 Ты ушел на границу.
 Мне с тобой было так не легко
 В терему разлучиться!
 Исхудал ты наверно в бою,
 Изнывая жестоко..
 Вот, я зимнее платье крою..
 Не скроить бы широко!

Лю Юйси.

СЛОВА ТОСКИ.

Перед теремом сливы и персики стали
 Уже совсем не густы.
 Над прудом осыпались всюду, опали
 Уже неюфаров цветы.
 А все еще не успела я вышить
 Стихами парчевый плат ⁸⁴⁾..
 Сквозь сетчатый полог, можно услышать,
 Доносится пенье цикад.

Цуй Гофу.

РАССТАВАНЬЕ.

Древний мотив.

Вот вот уж ты меня покинешь...
 Я твоего коснулась платья:
 Хочу узнать я,
 Куда ты уезжаешь ныне.
 Хотя б ты поздно возвратился,
 Поверь, я тосковать не стану...
 Лишь бы к Линьану ⁸⁵⁾
 Теперь ты в путь не устремился.

Мын Цззо.

В СТИЛЕ «ЯШМОВОЙ ТЕРРАСЫ».

Он вернется из дальней земли,
 Из-за многих, бесчисленных ли ⁸⁶⁾.
 И глубоко в гареме она
 Поздней ночью не ведает сна.
 Расправляя пару бровей
 Под светильней, горящей над ней,
 Не успеет она опять
 Перед зеркалом сесть ожидать.

Цюань Дэюй.

ВО ХРАМЕ

Храм «Прозревшего» и прославшего благодать прозрения во веки веков Будды—вот где пристанище от зла и суеты жизни! В нем живет беспечный, не ведающий суеты монах. Иду в храм, поднимаясь в выси среди захватывающих, чарующих картин; пребываю в нем, и в этой необыкновенной обстановке постигаю сущность бытия, а она, по учению Будды,—пустота, призрачность.

Учусь беспечному созерцанию у монаха; знаю теперь, где сладость отдыха, и летом, изнывая от жары, бегу в благодатный храм «Сладкой Росы», живящей верующее сердце.

В. А.

ХРАМ «РАЗВЕРСТОГО СВЯТОГО».

Только что суточный дождь перестал.
Зелень растений сочна и густа.
Стая ворон, врассыпную взлетев,
Села на колокол между дерев.
В длинной пристройке стоит тишина.
В храм возвратился беспечный монах.
Я у ворот одиноко весь день
Тихо на сосны смотрю и на тень.

Ли Шя.

ПРОХОЖУ МИМО ХРАМА «СОБРАВИШИХСЯ
БЛАГОВОНИЙ».

Не знаю, где стоит в горах
Сянцзайский храм ⁸⁷⁾. Но на утес
Я восхожу, и путь мой кос
Меж круч в туманных облаках.
Деревья древние вокруг...
Здесь нет тропинок. Между скал
Далекий колокола звук
В глуши откуда-то восстал.
За страшным камнем скрыт, ручей
Свое журчанье проглотил.
За темною сосною пыл
Остужен солнечных лучей.
Пуста излучина прудка,
Где дымка сумерек легка;
И созерцаньем укрощен
Точивший яд былой дракон.

Ван Вэй.

ПОДНЯЛСЯ ВО ХРАМ «ИСПОЛНЕННОГО ПРОЗРЕНИЯ».

Здесь, по „Земле Начальной“ ⁸⁸⁾ вьется
Кверху тропинка в бамбуках.
Пик нениюфаров выдается
Над „градом-чудом“ ⁸⁹⁾ в облаках.
Чу'ские три страны на склоне
Все здесь видны в окне моем.
Девять стремнин, как на ладони,
Вон там сравнялись за леском.
Вместо монашеских сидений
Травы здесь мягкие нежны.
Звуки индийских песнопений ⁹⁰⁾
Под хвоей длинною сосны.
В атих пустотах обитаю
Вне „облаков закона“ я.
Мир созерцая, постигаю,
Что „нет у Будды бытия“ ⁹¹⁾.

Ван Вэй.

ИЗНЫВАЮ ОТ ЖАРЫ.

Землю наполнивши и небо,
 Солнце багровое сгорает.
 На горизонте, словно кручи,
 Огнем сверкающие тучи.
 Свернулись-ссохлись листья, где бы
 Они ни выросли. Без края
 Вокруг иссохшие луга.
 Исыкла, высохла река.
 Я замечаю тяжесть платья
 И в самой легкой, редкой ткани.
 Даже в густой листве растений
 Страдаю: слишком мало тени...
 У занавеса близко встать я
 Теперь совсем не в состоянии.
 Одежду из сырца сейчас
 Мбю второй и третий раз.
 Весь мир, пылая жаром, светел.
 За грань вселенной вышли мысли.
 Стремятся, как долина в горы,
 Они в воздушные просторы.
 Издалека примчался ветер.
 Откуда он—и не исчислить.
 Река и море от волны
 И беспокойны и мутны.
 Но эта вечная забота
 От тела только. Мне понятно,
 Лишь на себя я оглянулся...
 Еще я сердцем не проснулся—
 И вдруг вступаю я в „Ворота
 Росы Сладчайшей, Ароматной“⁹²⁾,
 Где в чистом мире холодка
 Для сердца радость велика.

Ван Вэй.

ДРЕВНЕЕ

Древнее, старинное, прообраз и закономерность нашего бытия. Идеальное становится жутким, когда мы соприкасаемся с останками древности.

Старинный дворец — теперь одни руины с седовласой бывшей царской наложницей. Только тучи ходят свободно в развалине храма. От древнего героя остались только помнящие о нем каменные надписи и его сооружения.

Древность напоминает и мне, что я тоже когда-нибудь стану древним, и те, кто придут через столетия, будут точно так же размышлять. А как посмотришь на могилы, расположенные насупротив шумной столицы, но преданные тишине, так и убедишься в том, что вечно и что преходяще.

В. А.

СТАРИННЫЙ ПОХОДНЫЙ ДВОРЕЦ.

Разрушенный, запущенный в конец
Походный старый вижу я дворец.
Перед дворцом цветы везде красны
Средь непрерывной тишины.
В дворце одна из дев еще жива,
Но у нее седая голова.
Она всегда свободна, и сидит:
Про Сюаньцзуна ⁹³⁾ говорит.

Юань Чжэнь ⁹⁴⁾.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ В РАЗРУШЕННОМ ГОРНОМ ХРАМЕ.

Листья осенью опали, землю всю собой устлали
В этой горной стороне.

В древней зале, сквозь ограду, пламя гаснущей
лампады

Вижу в щели меж камней.

То, что было, то не будет. Здесь ходили прежде
люди,

Но теперь не встретишь их;

Только чередой летучей здесь беспечно ходят
тучи

Что ни ночь меж стен пустых.

Монах Цзяожань.

ХРАМ КНЯЗЯ ВОИНСТВЕННОГО ⁹⁵).

Оставлен стоит покинутый храм,

Все краски осыпались тут.

Но пышно вокруг по пустынным горам

Деревья и травы растут.

И храброго князя прощальную речь

Еще и поныне слышать ⁹⁶),

Но он уже не вернется лечь

В Наньяне своем отдыхать ⁹⁷).

Ду Фу.

ПЛАН ВОСЬМИ РАСПОЛОЖЕНИЙ ⁹⁸).

Покрыв заслугами своими Чжугэ Лян ⁹⁹)

Страну из трех владений ¹⁰⁰),

И славу имени его составил „План

Восьми расположений“.

Течет-течет река,

Но камни „Плана“ неподвижны над водою.

Осталась в них тоска,

Что уничтожить У не удалось герою ¹⁰¹).

Ду Фу.

МЫНЧЭНСКИЙ ВАЛ.

Только что жить с семьей я стал

У входа на Мынчэнский вал.

Здесь, все деревья пережив,

Осталась роща ветхих ив.

Кто же еще придет сюда

За мной в грядущие года?..

Тщетно тоски я полон несъ

О древних, живших прежде здесь...

Ван Вэй.

МЫНЧЭНСКИЙ ВАЛ.

Приди под этот древний вал,
 Я хижину себе связал.
 На этот Древний вал, туда,
 Я поднимаюсь иногда.
 Да... древний вал уже не тот,
 Что был давно-давно. И вот—
 Теперь лишь я, беспечно сам
 Хожу-брожу то тут, то там.

Пэй Ди.

МАНСКИЙ ХОЛМ.

На Манском холме строго в ряд
 Могилы древние лежат.
 Десятки тысяч лет прошло—
 Напротив них лишь город Ло ¹⁰²).
 В нем зазвенят, лишь ночь пришла,
 И песни и колокола;
 На холме ж—только и слышны
 Что шумы кедра и сосны.

Чэнь Цюаньци.

СТАРОСТЬ

Предательское зеркало мешает спокойно жить. Одна утеха—вино, но и здесь седина караулит и останавливает чарку. Даже в вере Будды нет утешения, ибо, как известно, она не склонна проповедывать длительность человеческого бытия.

В. А.

ВЗГЛЯНУЛ В ЗЕРКАЛО: УВИДЕЛ СЕДЫЕ ВОЛОСЫ.

Давно-давно хранил в своих мечтах
Я помыслы о „синих облаках“¹⁰³.
Но попусту топчусь весь век один—
И вот добрался до годов седин.
Кто мог бы знать (теперь подумал я),
Что в зеркале блистающем моя
Седая тень, жалея естество
Свое, скорбит, без ведома его?

Чжан Цзюлин.

ПЬЮ ВИНО И СМОТРЮ НА «МУДАНЬ» ¹⁰⁴).

Вновь сегодня, после многих дней я
 Пред цветами одиноко пью.
 И от чарок нескольких пьянея,
 Услаждаю душу я свою.
 Об одном гнетет меня тоска:
 Если бы цветы заговорили—
 Я б узнал, что не для старика
 Венчики свои они открыли.

Лю Юйси.

ОСЕННИМ УТРОМ ВЗГЛЯНУЛ В ЗЕРКАЛО.

Листьев паденье
 Пугает путника душу.
 Всю ночь просидел и и слушал
 Ветер осенний.
 Рано, с денницей
 Взглянул на виски.. Все ближе
 В сияющем зеркале вижу
 Жизни границы..

Се Цзи.

ПОДНЯЛСЯ НА ВЫСОТЫ.

Небо высоко. Свирепо ветер мчится.
 Обезьяны жалобно кричат.
 Чистый островок. Песок белеет. Птицы
 Пронесутся быстро—и назад.
 Беспредельно, всюду листья опадают,
 Вниз летят, шуша и трепеща.
 Бесконечная река спокойно притекает
 И идет, волной своей хлеща.
 Осень грустная раскинулась широко,
 Неизменно я повсюду—гость.
 Поднимаюсь на террасу одиноко..
 В жизни часто мне болеть пришлось.
 Удручен я верно оттого, что стала
 В волосах обильна седина.
 Я остановил впервые, скучный, вялый,
 Нынче рюмку темного вина.

Ду Фу.

СИЖУ ОДИНОКО НОЧЬЮ.

Один грущу о волосах,
 Что побелели на висках.
 В пустынной комнате вот-вот
 Вторая стража ¹⁰⁵⁾ пропоет.
 Пошли дожди. Полно воды.
 Опали горные плоды.
 Под фонарем в траве звучат
 Напевы звонкие цикад...
 Конечно, приди седины
 Мы изменить уж не вольны;
 И в золото другой металл
 Никто из нас не превращал.
 Хочу я знанье получить,
 Чтоб боль и старость излечить.
 Но в книгах то лишь вижу я,
 Что „нет у Будды бытия“ ¹⁰⁶⁾.

Ван Вэй.

БО ЦЗЮЙИ

772—846 после Р. Хр.

«Л Ю Т Н Я»

ПОЭМА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

В десятом году Юань-хэ (815 г. после Р. Х.) я был смещен на должность Цзюцзянского губернского конюшного. На следующий год, осенью, я провожал своего гостя в устье реки Пэнь и услышал, что кто-то среди ночи играет в лодке на лютие.

Я прислушался к звукам... Они звенели-звенели и имели столичный напев. Я спросил, кто это играет, и оказалось, что это Чанганьская¹⁰⁷⁾ гетера. Она училась играть на лютице у двух артистов Му и Цао. Лет ей было уже много, красота ее увяла, и она вручила свою судьбу купцу, ставши его женою.

Тогда я заказал вина и велел ей исполнить несколько пьес по ее собственному выбору. Окончив петь, она загрустила и сама рассказала о своей радостной жизни в молодости и о том, что теперь она покинута, оставлена, печальна-грустна во время непрерывных скитаний по рекам и озерам.

Два года, как я выбрался сюда из столицы. Я спокойно примирился со своею участью. Вдохновившись словами этой женщины, в тот же вечер я впервые ощутил в себе настроения ссыльного, и поэтому сочинил эту длинную поэму, которую прочел и подарил гетере. Всего здесь 612 знаков. Называю я ее: «Лютия».

ЛЮТИЯ.

I

Ночною порою на сонном Сюньяне¹⁰⁸⁾
Мы с гостем моим расставались.
Цветы камыша и листва на платане
С осеннею грустью шептались.
У берега я соскочил с коня.
Уж в лодке мой гость поджидал меня,
И мы поднимаем бокалы вина:
Но нам не поет ни свирель, ни струна.

II

Вино нас не тешит весельем своим.
О близкой разлуке мы с другом скорбим.
И в час расставанья, кругом широка,
В себе луну утопила река.
Но вдруг над водою, под легкой тенью
Мы лютии слышали звуки...
Хозяин забыл о своем возвращении.
И гость забыл о разлуке.

III

Узнать захотели мы, кто там играет,
 Вопрос мы задать пожелали;
 Но вот уже лютня во мраке смолкает —
 И наши слова опоздали.
 Подъехала лодка из сумрачной тьмы,
 И в лодке лютнистку увидели мы.
 Поправил фонарь я, прибавил вина,
 Вновь пир открываю, чтоб вышла она.
 И вот, после многих моих приглашений,
 Пред нами она показалась
 И лютню держала. За сумраком теней
 Лица половина скрывалась.

IV

Касается струн, повернувши колки.
 Три звука слышны из-под легкой руки.
 Хоть песня еще не звучит на струне,
 Но чувства певицы сквозят все сильней.
 Она покрывает струну за струною,
 Исполнены думы все звуки.
 Как будто счастье судьбой не дано ей,
 А в жизни бывали лишь муки.
 Нахмурила брови, доверясь руке,
 И связно поет об извечной тоске;
 И в песне своей выражает все,
 Что в сердце безмерно огромным несет.

V

Легко покрывает на грифе зажатъя,
 Замолкнет, и вновь запевает.
 Сперва сыграла „Зарничное платье“,
 „Шесть крошек“ ¹⁰⁹⁾ потом исполняет.
 И низкие струны гудят-гудят,
 Как дождь проливной, торопливый.
 Высокие струны звенят-звенят,
 Как шепот веселый, счастливый.

VI

Напев то расширен до гула, то сужен,
 И звуки связаны-свиты.
 Потоки больших и малых жемчужин
 Упали в сосуд из нефрита.
 И иволги вольной свободная речь
 В кустах, под цветами, скользит.
 Ручей, проглотивший журчание, течь
 Еще продолжает внутри.

VII

Потоки воды превращаются в лед...
 Застыла-замолкла струна...
 Застывши, мгновенье одно не поет
 Певица. На миг—тишина..
 И сам я в себе ощущаю рожденье
 Тоски и печали в тумане.
 В такую минуту отсутствие пеня
 Сильнее, чем пеня ранит.

И вдруг, из разбитой серебряной вазы
Вино покатилося струею;
И панцирный всадник выскочил сразу,
Оружьем звеня за собою.

VIII

Затихло бряцало, в сердце рванувши,
И снова напев умолк.
И в струнах, одним созвучьем мелькнувший,
Звучит „разрываемый шелк“¹¹⁰⁾.
В обеих лодках стоит тишина
Глубокой печали, тоски.
И только осенней луны белизна
Покоится в сердце реки.

IX

Она напевает задумчиво, в струны
Воткнувши бряцало концом.
Поправила платье, и в дымке лунной
Встает со строгим лицом.
И тотчас она говорит нам: „Я
Жила в столице самой;
И помню, что прежде наша семья
Жила под холмом Цзямо.
Едва мне тринадцать лет миновало,
Играть я могла. Мудрено ли,
Что в первых рядах мое имя считалось
Тогда в музыкальной школе?“

X

„И я принуждала актеров славе
Моей поклоняться всечасно.
В сердцах таили красавицы зависть,
Увидев наряд мой прекрасный.
Юнцы из лучших в столице кварталов
Соперничали в подношениях...
И алым шелкам я счета не знала,
Шелкам за одно выступленье.
Могла золотые гребенки ломать я,
Стуча ими в такт славословий;
Вином заливала я тонкое платье
Багрового цвета крови“.

XI

„Бывало, в весельи промчится весь год,
И новый такой же веселый придет.
Осенние луны и ветры весной
Свободной чредою неслись надо мной...
Но вот умерла моя тетка. А брат,
Ушел от меня с полками солдат.
Рассветы вставали, текли вечера,
Увяла краса, и я стала стара.
Мой двор перед домом порос травой:
Там редко спускался с коня верховой.
Все хуже и хуже, пока, наконец,
Не взял меня в жены заезжий купец“.

XII

„Купец дорожит своим барыщом.
Он мало желает со мной быть вдвоем.
И в месяце прошлом из этих стран
Уехал он чай закупать в Фоу-лян“.

XIII

„Скитаясь по устью реки, свою
Одна сторожу я пустую ладью,
Вокруг которой при свете луны
Осенние струи воды холодны.
И нынче холодною ночью глубокой
О юности сны пришли:
Во сне я рыдала, и красным потоком
Обильные слезы текли“.

XIV

...Уже, внимая напевам и лютне,
Не мог я тоски перенести;
Рассказ же услышав, еще бесприютней
Себя я почувствовал здесь.
Когда такие забытые люди
За гранью небесного круга
Сойдутся, то разве помехою будет,
Что прежде не знали друг друга?

XV

Увы, распростился с прошлого года
Я с нашей веселой столицей;
В Сюньянском поселке лишен я свободы,
И путь мой в болезнях влачится.
Сюньянская эта земля — захолустье:
Здесь песни совсем не слышны.
Весь год я не слышу, объятый грустью,
Ни флейты, ни шелка струны.
Живу близ текущего медленно Пэня;
Земля здесь низка и сыра;
Лишь желтый камыш окружает ступени,
И носится в нем мошकारа.

XVI

Кого же я слышу с утра до ночи
Меж этих болотистых стран?
— Кукушку, что, плача до крови, пророчит,
Да жалобный вопль обезьян...
И в утро с цветами на вешней реке,
И ночью с осенней луной—
Всегда, одинокий, с бокалом в руке
Я лью молчаливо вино.
Порою здесь горные слышу напевы,
Свирели в селе на лугу,
Но звук их фальшив, безобразен... От гнева
Я слушать их не могу.

XII

И ныне внимал я пропетому Вами,
 И Вашим печальным словам...
 Казалось, что это бессмертные сами
 Мой слух просветили. И Вам
 Я вновь предлагаю присесть, и опять
 Сыграть, что хотите, сейчас,
 А я постараюсь в ответ написать
 Поэму „Лютня“ для Вас.

XIII

Растрогавшись речью моею, она
 Довольно долго стояла...
 Присела потом, но теперь струна
 Еще торопливей играла.
 Напевы печально стали звучать:
 Они не такие, как были,—
 И мы на скамейке внимаем опять,
 И слезы мы снова скрыли.
 Меж нас у кого же слезы блещут
 Обильнее всех под глазами?
 — Цзянчжоуский конюший синий халат
 Давно увлажнил слезами.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЮНОША

Набросок.

Он оставил, позабыл
Где-то бич коралловый. И вот,
Белый конь заноровил:
Ни на шаг он не идет вперед.
У террас ¹¹¹⁾ он наломал
Гибких веток тополя и ив ¹¹²⁾...
Так он ввешний день стоял
У дороги, страсти затаив.

Цуй Гофу.

ДОРОГА В ЧАНГАНЬ ¹¹³⁾.

Проскакал со свистящим бичем
Мимо винного рынка; лицо
Закрывая своим рукавом,
Миновал я гетеры крыльцо.
Я, когда-то, в один лишь час
Прокутил миллионы свои —
И, безмолвен, на сердце сейчас
Я тоску глубоко затаил.

Чу Гуанси.

ПРОХОЖУ ПЕРЕД ТАВЕРНОЙ.

Беспросветно пьянствую в течение
 наших всех тяжелых, смутных дней ¹¹⁴).
 Это не имеет отношенья
 К воспитанию души моей.
 И куда глаза ни устремятся —
 Всюду пьяны все, а потому,
 Как же я осмелюсь удержаться,
 Чтобы трезвым быть мне одному?

Ван Цзи.

ИЗ ИСТОРИИ.

Еще в подарок дал он
 Халат из плотной, теплой ткани.
 Должно быть, жалко стало
 Фань Шу ¹¹⁵), продрогшего в тумане.
 Наверно, он не знает
 Мудрейшего на свете ныне,
 И до сих пор считает,
 Что ходит Фань в простой холстине.

Гао Ди.

ПОЮЩАЯ ЛЮТНЯ.

На лютне поющей колонны ¹¹⁶) —
 Как зерна хлебов позлащенных ¹¹⁷).
 Под белой рукою лежит
 Похожий на домик нефрит ¹¹⁸).
 И пожалуй, певица рада
 Поймать Чжоу Юя взгляды ¹¹⁹):
 Нет-нет, и нарочно одну
 Фальшиво заденет струну ¹²⁰).

Ли Дуань.

НА ПРУДКЕ.

Мальчик-баловень толкает
 Плоский маленький челнок.
 Белый неньюфар срыгает
 Он тайком — и наутек!..
 Но еще не научился
 Он скрывать свои следы:
 В лилиях один открылся
 Путь расчищенной воды.

Лю Юйси.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) (стр. 28). Дунтин — название озера.
- 2) (стр. 29). Поэт, живший около VIII в. после Р. Х.
- 3) (стр. 29). Род сливового дерева.
- 4) (стр. 30). Намек на то, что, как лотосы опадут и не заметит их государь, так же не заметит он и кончины поэта. Такая идея могла возникнуть у Лу Чжаолина потому, что императрица У (правила с 684 до 705 г. после Р. Х.), при которой жил поэт, не обращала на него никакого внимания, и он никогда не видел применения своих способностей. Лу Чжаолин покончил с собою, утопившись в р. Инь. Таким образом, это стихотворение явилось для поэта как бы пророческим.
- 5) (стр. 33). Поэт, живший около VIII в. после Р. Х.
- 6) (стр. 33). Р. Инцзыцзян.
- 7) (стр. 33). В Китае распространены тростниковые плащи и шляпы, которые делаются из высушенных листьев тростника или осоки так, что каждый верхний лист, подобно чешуе, покрывает до половины следующий нижний. Таким образом, эта одежда является совершенно непромокаемой.
- 8) (стр. 34). Дунтин — название озера.
- 9) (стр. 34). Гора над Дунтином. Место прогулок Сянской царевны при имп. Шуне. (III тысячелетие до Р. Х.).
- 10) (стр. 34). Р. Сян в южном Китае.

11) (стр. 34). Местность в провинции Хунань, в южном Китае, славящаяся винами.

12) (стр. 39). На крайнем юге Китая.

13) (стр. 39). Деревья жун растут на юге Китая. От их ветвей отходят отпрыски, как корни, уходящие в землю, так что одно дерево раскидывается, подобно целой роще.

14) (стр. 40). Не слишком он еще толст.

15) (стр. 43). Хозяин дома, где заночевал поэт.

16) (стр. 47). Заходящее солнце.

17) (стр. 48). Пэй Ди жил вместе с поэтом Ван Вэем в устье реки Ван, в полном уединении. Там они писали стихи, юрору на одну и ту же тему.

18) (стр. 49). Чжан У называл Ван Вэя старшим братом; поэтому поэт и называет его братцем.

19) (стр. 50). Мотив взят из притчи даосского философа Чжуан-цзы (жил в IV—III в. до Р. Х.), где говорится, что философ когда-то во сне увидел себя бабочкой; он летал и не подозревал даже, что он Чжуан-цзы. Проснувшись, он так и не знал: Чжуан-цзы ли видел во сне, что он — бабочка, или бабочка теперь снится, что она Чжуан-цзы? Было ли в данном случае два существа или два превращения чего-то единого? (Чжуан-цзы, II, 11).

20) (стр. 50). Персиковая Долина («Персиков Родник») в пров. Хунань центрального Китая. С нею связано следующее предание (по Тао Цяню, знаменитейшему китайскому поэту, жившему между 365 и 427 г. после Р. Х.): «Улинский рыбак, проезжая по реке, забыл сколько он проехал, и вдруг увидел тесные берега, поросшие цветущими персиковыми деревьями... Рыбак был весьма удивлен. Проехав рощу, он оказался около горы. В горе была пещера, и в ней точно блеснул свет. Он протолкал свою лодку туда и, наконец, теснины открылись, и он увидел ровную широкую землю... Там ходили люди, одеждой напоминающие иноземцев, со светлыми волосами, с висющими косичками. Радуюсь, благоденствовали они. Увидев рыбака, они сильно испугались и спросили, откуда он прибыл. И когда рыбак ответил им — они привели его в свой дом и подали вина и курицу. Сами они рассказали, что в преж-

ние временз после Циньского переворота (221 год до Р. Х.), они бежали в эти уединенные места, захватив с собою жен и детей. С тех пор они уже не выходили отсюда. Когда они опросили рыбака, какая династия правит теперь, то оказалось, что они ничего не знали о династии Хань (II в. до Р. Х.—III в. после Р. Х.). А о Вэй (III в. после Р. Х.) и Цзинь (III—V в. после Р. Х.)—и говорить нечего. Они угощали рыбака несколько дней, после чего он, распростившись с ними, вернулся домой, старательно запоминая дорогу. Прибыв в столицу, он сделал доклад губернатору и попросил себе людей, чтобы вместе с ними опять пробраться в Персиковую Долину. Но на этот раз сбился с пути и туда не попал».

21) (стр. 51). Горы Лунань или Куанлу, в живописных уголках которых часто устраивались монастыри и селились монахи отшельники.

22) (стр. 51). Эры непродолжительных шести династий: У, Цзинь, Сун, Ци, Лян и Чань (с 222—557 г. после Р. Х.); в это время жили в Лунаньских горах монахи, ставшие в истории знаменитыми. Например, Хой Юань или Чжао Дунь.

23) (стр. 52). Улинская Персиковая Долина, утопия Тао Цяня (IV—V в. по Р. Х.), жилище разобщенных с миром старинных людей. См. выше примечание 20).

24) (стр. 52). И дракон, и феникс—животные—иммортиалы в даосизме. Символы бессмертия.

25) (стр. 52). Нефритовый Государь—девятое из десяти имен Верховного Существа в даосизме.

26) (стр. 54). В китайской классически-старинной лирике, только и признаваемой ученою традицией литературы, тем любви плотской, тем более с деталями, допускаемыми и даже культивируемыми в Европе, нет. Темы дружбы равновеликих по высоте духа и культурой тонкости людей замещают их, чем и объясняется обилие и разнообразие последних. Темы эти, разумеется, вне всяких подозрений.

27) (стр. 59). Эти стихи основаны на след. историческом факте: один из правителей древнего удела Чжао, а именно князь Хойваньван (правил с 298 до 266 г. до Р. Х.) получил прекрасную гемму некоего Хэ. Его современник, Циньский князь

Чжаован предложил Хойваньвану в обмен на гемму 15 городов. Последний согласился и послал с драгоценностью своего советника Линь Сянжу, который, уже передав яшму Чжаовану, понял, что тот и не думает отдавать обещанные города. Тогда Линь Сянжу, хитростью выманив назад сокровище, мужественно доставил его своему господину в целости и сохранности. Стихотворение упоминает этот факт потому, что лицо, которому оно адресовано, носит ту же фамилию, что и название удела (Чжао).

28) (стр. 59). Скрытое пожелание Цзуну быть столь же славным, сколь и знаменитая гемма, о которой речь была выше.

29) (стр. 59). Гемма была доставлена без всякого изъяна своему владельцу, так же и Чжао Цзун благополучно возвращается домой.

30) (стр. 59). Священная гора даосов, где живут бессмертные. Раз понав на нее, человек уже не возвращается.

31) (стр. 59). Так, обыкновенно, величают даосов. Образ этот растет из двух источников. Во-первых, сон князя Чжао (вступ. на престол в 1052 г. до Р. Х.), в котором он видел пернатого человека с шерстью, и во-вторых, фантастическая «Книга о горах и морях», которая содержит указание на страну, населенную людьми, имеющими перья и шерсть.

32) (стр. 59). Священная гора даосов. Именем ее был назван в царствование императора Гао Цзуна (650—684 г. после Р. Х.) Дампский дворец, основанный в 635 году.

33) (стр. 59). Гора Тунбо—то же, что и Тянь Тай.

34) (стр. 60). У—название местности в древнем Китае.

35) (стр. 60). Горы, в которых жил поэт.

36) (стр. 60). Лоан—древняя столица.

37) (стр. 60). Выражение абсолютно чистой дружбы.

38) (стр. 61). Ши вышла замуж за купца Ю. Любовь супругов была весьма сильна, и когда Ю собрался уезжать в далекие края, его жена всячески старалась препятствовать его отъезду, но это ей не удалось. От тоски она слегла в постель и, почувствовав приближение своей кончины, сказала: «Как жаль, что я не могла помешать его отплытию!.. Но теперь

я ради всех жен Поднебесной обращаюсь в ураган и буду мешать отъезду мужей». С той поры ураганы называются «Ветром Шию».

³⁹⁾ (стр. 62). В соврем. провинции Чжили, в сев. Китае.

⁴⁰⁾ (стр. 62). Речь идет о Цзин Ко (ум. в 227 г. до Р. Х.), преданном лазутчике, кот. Данем, принцем и предполагаемым наследником престола удела Янь, был направлен, чтобы убить правителя удела Цинь (впоследствии императора Цинь Шихуанди), от которого была угроза независимости удела Янь. Дань снарядил Цзин Ко, как посланника, для выражения верности, и проводил его вместе со своей свитой до самой границы своих владений на р. И. Безусловно все присутствовавшие на проходах сознавали всю опасность авантюры, и поэтому провожали Цзин Ко, как покойника, в траурных одеяниях. Расставаясь со своим другом Гао Цзяньли, Цзин Ко произнес столь трогательные стихи, что вызвал слезы из глаз Дая и его свиты; все видели удаляющегося в лодке Цзин Ко, волосы которого от ужаса «ударил» в шапку. Цзин Ко не удалось выполнить своей миссии и он, после борьбы, был убит.

⁴¹⁾ (стр. 65). При прощании принято было дарить друг другу на память ветви тополя или ивы.

⁴²⁾ (стр. 65). Название города на р. Вэй, притоке р. Хуанхэ.

⁴³⁾ (стр. 65). Название заставы.

⁴⁴⁾ (стр. 66). Горы Ба в современной провинции Сычуань, на юге Китая. Банань—страна к югу от гор Ба.

⁴⁵⁾ (стр. 67). Сюньян—старинный город; находится в современной провинции Цзянси. Вода прилива доходит только до этого города.

⁴⁶⁾ (стр. 68). «Познавший меня», т. е. друг.

⁴⁷⁾ (стр. 68). «Гаоянский бражник»—Ли Шиди, живший в дни императора Гао Ди (во II в. до Р. Х.), который гордился тем, что он «Гаоянский пьяница», а не конфуцианский ученый, так как император тогда не уважал конфуцианцев.

⁴⁸⁾ (стр. 70). Т. е. о монахе.

⁴⁹⁾ (стр. 70). В каждом монастыре или храме есть книга, в которую записываются имена, живущих при нем монахов.

⁵⁰⁾ (стр. 72). В патриархальном Китае считалось государств. принципом, вопреки основным заветам семейной сплоченности, перемещать чиновников из одной области в другую для пользы службы. Приняв во внимание разницу климатов, обычаев, а главное, наречий,—разницу, доходящую в последнем случае до карикатурных для одних и кошмарных для других недоразумений, можно легко себе представить, как сиротливо чувствовал себя человек, не умеющий и зачастую не желающий осваиваться с чужбиной, хотя бы эта «чужбина» и не выходила даже из пределов собственного Китая.

⁵¹⁾ (стр. 73). В современной провинции Чжаэцзян.

⁵²⁾ (стр. 74). Куда был сослан поэт.

⁵³⁾ (стр. 75). В девятый день 9-й луны—праздник Чун-ян, что значит «двойное солнце». Девятка есть число, выражающее солнце, и поэтому, этот праздник, справляется в день 9/IX, в который принято втыкать в землю стебли гадательной травы Шуюй (род имбиря) во избежание бед и напастей.

⁵⁴⁾ (стр. 76). Лоян—одна из древних столиц Китая.

⁵⁵⁾ (стр. 76). «Сломанные ивы» или «Сломанные тополя и ивы» — название мотива из «Антологии династии Хань» (III в. до Р. Х.—III в. после Р. Х.). Когда расставались друзья, они приходили на берег реки и, сорвав по ветке ивы или тополя, дарили друг другу на память.

⁵⁶⁾ (стр. 76). «Зови-двисься!» по-китайски «Хуань цзи» — так называется особая порода дроздов; эти птицы в начале весны поют «Чунь цзи» — весна настала, в конце же весны — «Чунь Цюй» — весна уходит.

⁵⁷⁾ (стр. 76). «Скорей назад» — по-китайски «Пуи гуй» — так называются козодои, которые торопят солнце зайти, и в сумерках начинается самая оживленная деятельность этих птиц.

⁵⁸⁾ (стр. 77). В современной провинции Сычуань, на юго-западе Китая.

⁵⁹⁾ (стр. 78). Местность в южном Китае.

⁶⁰⁾ (стр. 78). Родина поэта в северном Китае, где, естественно, весна начинается позже.

⁶¹⁾ (стр. 79). На юге Китая.

⁶²⁾ (стр. 79). Название реки в южном Китае.

⁶³⁾ (стр. 80). Тема заимствована из стариной «Антологии династии Хань» (II в. до Р. Х. — III в. после Р. Х.). Здесь поэт передает лишь общее настроение.

⁶⁴⁾ (стр. 80). Две реки в южном Китае, над которыми из года в год пролетают гуси.

⁶⁵⁾ (стр. 80). Т. е. моем, где оставлена семья.

⁶⁶⁾ (стр. 80). Хуайнань — к югу от р. Хуай, в южном Китае.

⁶⁷⁾ (стр. 81). В совр. провинции Хунань, т. е. не на родине.

⁶⁸⁾ (стр. 81). Ланьлинь — местность, славящаяся вином.

⁶⁹⁾ (стр. 82). Родина поэта.

⁷⁰⁾ (стр. 82). Один из притоков р. Янцзы.

⁷¹⁾ (стр. 82). Поэт Сун Чжизань был сослан в Лунчжоу. Данное стихотворение относится к моменту возвращения его на родину.

⁷²⁾ (стр. 86). *Сао* — тоска — часть названия поэм Цюй'я: Ли Сао — «Впал в тоску». В виду уважения к этим поэмам, сделавшим переход от архаичной поэзии Китая к поэзии, исторически прогрессирующей, они именуются *Сао-цзин*, т. е. Канон Тоски.

⁷³⁾ (стр. 88). У северных ворот Вэйянского дворца во время дин. Хань (201 г. до Р. Х. — 239 г. после Р. Х.) принимались государем доклады и давались аудиенции. Здесь поэт говорит о своей государственной службе.

⁷⁴⁾ (стр. 89). Он же Бо Цзюйи (под этим именем он помещен в нашей антологии). В 815 году он был смещен в пров. Цзянчжоу на должность конюшего. Юань Чжэнь и Бо Цзюйи связывала долголетняя и крепкая дружба, и в стихах последнего Юань Чжэнь, под именем Юань Цзю, Юаня Девятого, встречается весьма часто.

⁷⁵⁾ (стр. 89). То же, что Цзянчжоу. В совр. пров. Цзянси.

⁷⁶⁾ (стр. 89). *Р. Сян в южном Китае.

⁷⁷⁾ (стр. 90). Название должности.

⁷⁸⁾ (стр. 92). Вэйян — дворец, построенный Сюэ Хэ (ум. в 193 г. до Р. Х.), состоял из восточной палаты, северной палаты, залы, арсенала и кладовой.

⁷⁹⁾ (стр. 92). Император дин. Хань, У-ди (139—85 г. до Р. Х.) объезжая свои владения в Циньских землях, пленился сестрою Ли Яньинь, его наложнице, умевшей весьма искусно петь и танцевать. Государь сделал ее своей главной фавориткой.

⁸⁰⁾ (стр. 92). Немилость государя. Разлюбленной наложнице он посылал весной тенный, парчевый халат, чтобы, не согреваемая любовью государя, она могла в нем согреться.

⁸¹⁾ (стр. 92). Придворная дама при императрице Сюй. Фаворитка императора Чэн Ди (правил с 31 до 5 г. до Р. Х.). Утратив милость государя, она попросила разрешения удалиться в Чаньиньский дворец, где и жила в уединении, не соперничая с новой возлюбленной государя, Чжао Фэйян. Тем не менее, она была обвинена в применении магии против своей соперницы, и остроумными ответами на обвинения заслужила себе историческую известность.

⁸²⁾ (стр. 92). Т. е. Чжао Фэйян, новая фаворитка.

⁸³⁾ (стр. 96). Юйян — местность, куда ушел служить муж женщины, от лица которой написаны стихи.

⁸⁴⁾ (стр. 97). Речь идет о Су Жолань, супруге Доу Тао, кот. был правителем в Циньчжоу в IV в. после Р. Х. Он был сослан в бесплодную монгольскую пустыню Фу Цзянем, узурпатором, захватившим власть в 351 г. после Р. Х. и объявившим себя Циньским принцем. Су Жолань, тоскуя о сосланном муже, задалась целью (и осуществила ее) на парче выткать палиндром с жалобой на судьбу и послать его мужу.

⁸⁵⁾ (стр. 98). Линьан — город в пров. Сычуань. В древности поэт Сыма Сянжу, гости в этом городе у местного богача Чжао Вансунь, бежал с дочерью последнего, рано овдовевшей Вань Цзюнь. В данном стихотворении упоминание Линьана таит в себе намек на возможную встречу с новой возлюбленной, которой так не желает женщина, говорящая эти строки.

⁸⁶⁾ (стр. 98). Ли — около полуверсты.

⁸⁷⁾ (стр. 102). Храм «Собравшихся Благовоний».

⁸⁸⁾ (стр. 103). Земля, прилежащая к храму. Название это заимствовано из «Сутры (проповеди) о Нирване», где, между прочим, говорится: «неисчислимы, несметны, обильны, как песок р. Ганга, боддхаттвы вступили в «Начальную Землю», т. е. в один из райских садов.

⁸⁹⁾ (стр. 103). Град-чудо—это самый храм. Так называет его Ван Вэй, заимствуя образ из 7-й главы «Сутры Чистого Лотоса», повествующей о том, что некий Будда, ведя сонмы людей в страну драгоценностей (Нирвану), заметил, что люди начали уставать. Тогда он создал «Град-чудо»—маревое, видимое вдали, к которому люди и устремились, напрягая последние силы. Поддерживая стремление людей таким образом, Будда довел всех до страны драгоценностей.

⁹⁰⁾ (стр. 103). Часть службы в буддийских храмах совершается на языке древней Индии—санскрите. Поэтому культовые песнопения буддистов обычно называются индийскими словами или индийскими звуками.

⁹¹⁾ (стр. 103). Догматически у Будды нет бытия—жизни, нет небытия—смерти. Он не рождается и не умирает.

⁹²⁾ (стр. 104). Учения Будды.

⁹³⁾ (стр. 107). Император эстет Сюаньцзун (с 713 по 756 г. после Р. Хр.), великий китайский меценат, вокруг которого сгруппировались славнейшие поэты, как Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу, Мян Хаожань и др. Дворцовая и, в частности, гаремная жизнь дошла при нем до высшего культа.

⁹⁴⁾ (стр. 107). Это стихотворение приписывается иногда поэту Ван Цзяню.

⁹⁵⁾ (стр. 108). Посмертный титул Чжугэ Ляна (181—254 г. по Р. Хр.), знаменитого героя и стратега периода Троецарствия. Прежде он жил, как отшельник, в Наньяне. С большим трудом уговорил его Лю Бэй, отпрыск пришедшей в упадок Ханьской династии, сменить такую жизнь на карьеру полководца. На новом поприще Чжугэ Лян проявил свои таланты стратега. Когда он отправился в поход против южных инородцев, постоянно нападавших на страну династии Шухань—земли его государя, то его победоносные войска достигли до

самой середины Бирмы. Подчинив инородцев и, таким образом, укрепив свой тыл, Чжугэ Лян предпринял поход на владения династии Вэй, но во время этого похода умер в пути. Поход не увенчался успехом, благодаря энергии противника Чжугэ Ляна—Сыма И, сына последнего и внука. Чжугэ Лян во время своих походов пользовался «деревянными быками» и «механическими конями», приводя их в действие магическими средствами. За свои заслуги он был обожествлен, и ему, получившему посмертный титул князя У (Воиственного), по приказанию императора Хоу Чжу (правил с 223—265 г. после Р. Х.), был построен и посвящен храм в Наньяне, в современной провинции Хубэй.

⁹⁶⁾ (стр. 108). В храме эта речь записана в назидание грядущим поколениям, и ее можно прочесть. Таким образом, она как будто и ныне слышится.

⁹⁷⁾ (стр. 108). Когда Князь Воиственный жил еще в Наньяне, не принимая участия в делах правления и государственной жизни, его, мудрого и мужественного, называли «Спящим Драконом».

⁹⁸⁾ (стр. 109). «План восьми расположений войск» (во время боя) составлен знаменитым стратегом и национальным героем Чжугэ Ляном. На песчаном отлогом берегу Янцзы-цзяна этот «план» был сложен из камней, высотой около 2 1/2 арш. До сих пор вполне сохранились все 64 камня на своих местах, несмотря на то, что во время разлива вода их заливает. «План» находится в современной провинции Сычуань, на юго-западе Китая.

⁹⁹⁾ (стр. 109). Чжугэ Лян, обожествленный под титулом князя У (Воиственного). (О нем см. примечание 95).

¹⁰⁰⁾ (стр. 109). В III в. по Р. Х. Китай распался на земли трех правивших одновременно династий: Шухань, Вэй и У, постоянно враждовавших между собой.

¹⁰¹⁾ (стр. 109). Т. е. не удалось Чжугэ Ляну уничтожить династию У, так как он умер, прежде чем мог осуществить это намерение.

¹⁰²⁾ (стр. 110). То же, что Лоян—древняя столица Китая.

¹⁰³⁾ (стр. 113). Мысли о блестящей служебной карьере.

¹⁰⁴⁾ (стр. 114). Пион. Наиболее воспеваемый цветок в Китае, где он занимает то же положение, что в Европе роза.

¹⁰⁵⁾ (стр. 116). Вторая стража—время от 9 до 11 ч. веч.

¹⁰⁶⁾ (стр. 116). Догматически у Будды нет бытия—жизни, ест небытия—смерти; он не рождается и не умирает.

¹⁰⁷⁾ (стр. 118). Столица Китая того времени.

¹⁰⁸⁾ (стр. 119). Река в пров. Цзянсяжу.

¹⁰⁹⁾ (стр. 121). Названия знаменитых музыкальных пьес.

¹¹⁰⁾ (стр. 122). В самом начале исторического периода князь Ю, правивший уделом Чжоу с 781 до 770 г. до Р. Х., пленился красавицей Бао Сы. Красавице правился звук разрываемого шелка, и, поэтому, князь вынул свой платок и разорвал его, чтобы доставить удовольствие Бао Сы. Поэтому, звук разрываемого шелка считается красивым по тембру.

¹¹¹⁾ (стр. 129). Где жили гетеры.

¹¹²⁾ (стр. 129). Чтобы, с одной стороны, подогнать коня, который без бича не идет вперед, и, с другой,—чтобы обратить на себя внимание гетеры.

¹¹³⁾ (стр. 129). Древняя столица Китая.

¹¹⁴⁾ (стр. 130). Речь идет о смутах в последние дни династии Суй (589—620 г. после Р. Х.).

¹¹⁵⁾ (стр. 130). Речь идет о некоем Фань Шу, жившем в III в. до Р. Х. Он сначала был на службе в царстве Вэй, где состоял в распоряжении министра Сюй Цзя. Последний был однажды послан в царство Ци, куда он взял с собой и Фань Шу. Правитель Ци, пленившись красноречием Фань Шу, подарил ему ценные вещи, и поэтому Сюй Цзя заподозрил Фань Шу в важном государственном предательстве. Вернувшись домой, Сюй Цзя донес министру Вэй Ци на Фань Шу, и последний, по приказанию этого министра, был жестоко избит. Фань Шу прикинулся мертвым, и только тогда его перестали бить. К предполагаемому трупу был приставлен караул, но Фань Шу удалось подкупить его и бежать в царство Цинь, где он, переменив свое имя на Чжан Лу, добился милости у государя и быстро пошел по служебной лестнице. В короткий промежуток времени (с 270 г. до 267 г. до Р. Х.) он из про-

стого бродяги становится царедворцем, получающим титул председателя-министра, и под его руководством политика царства велась так блестяще, что он становится популярнейшим лицом страны. В это время Сюй Цзя был послан с миссией в царство Цинь. Тогда министр Чжан Лу, он же Фань Шу, переодевшись в ветхое простое платье, какое носили тогда люди, не имевшие никакого чина, пришел инкогнито к Сюй Цзя, только что приехавшему. Сюй Цзя узнал своего старого знакомого, которого уже считал мертвым, и, встретив его на этот раз вполне приветливо, угостил его, как друга. Заметив, что Фань Шу дрожит от холода в ветхой рвани, Сюй Цзя подарил ему теплый халат, будучи уверен, что он дает подачку нищему. Лишь во время аудиенции Сюй Цзя понял, как он ошибся, и не знал, чем искупить свою вину перед важным вельможей, как извиниться перед ним, но министр Чжан Лу, заметив замешательство Сюй Цзя, сказал ему: «Вы искупили свою вину дружественным приемом, только что оказанным мне, и теплым халатом».

¹¹⁶⁾ (стр. 131). То есть колки.

¹¹⁷⁾ (стр. 131). Цвета спелых хлебов.

¹¹⁸⁾ (стр. 131). Подставка на лютике.

¹¹⁹⁾ (стр. 131). Чжоу Юй (ум. в 210 г. после Р. Х.)—известный стратег своего времени. Обладал весьма тонким слухом. Если кто-нибудь ошибался, то он непременно оборачивался и смотрел в сторону ошибшегося. Его слух даже вошел в поговорку: «Если в напеве есть ложь, то Чжоу оглянется».

¹²⁰⁾ (стр. 131). Чтоб обратить на себя его внимание.

ГПИБ России

Гос. Историч. Научн. Б-ка
ИМП РСФСР

Иркутск. №

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
Предисловие, проф. В. М. Алексеева	7
Природа и я	19
Прочь от мира	37
Мой друг	53
На чужбине	71
Немилость	85
Жена	93
В храме	99
Древнее	105
Старость	111
Бо Цзюйи — «Лютня», поэма	117
Приложение—Разные стихотворения	127
Примечания	132

